ПЛАЧЪ
КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

ПОКАЯННЫЯ МОЛИТВЕННЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ СЕДМИЦЫ

Инока Фикары,

подвизавшагося во св. горѣ Аѳонской.

Не еже хощу—доброе, творю; но еже не хощу—злое, сіе содѣваю... Окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?..

Рим. 7, 19—24.

Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь!

Псал. 6, 3.

Изданіе второе Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типографія И. Ефимова, Бол. Якиманка, домъ Смирновой.
1882.

От Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. Августа 2 дня 1882 года.

Цензоръ Протоіерей *Михаилъ Боголюбскій*.

Предисловіе.

Предлагаемыя вниманію благочестивыхъ читателей, въ переводѣ на современную русскую рѣчь, молитвенныя размышленія, заимствованы изъ книги Аѳонскаго инока Фикары «Вертоградъ Душевный». Книга эта была переведена на церковно-славянскій языкъ извѣстнымъ ревнителемъ православія въ западной Россіи Архимандритомъ Свято-Духова Виленскаго монастыря Леонтіемъ Карповичемъ, и издана въ Вильнѣ въ 1620 году.

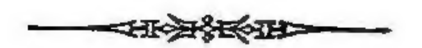
Сіи размышленія представляютъ главнымъ образомъ выдержки изъ вдохновенныхъ твореній св. Ефрема Сирина, которому по спра-

ведливости усвоено предпочтительное наименованіе проповѣдника покаянія; но выдержки эти, очень удачно подобранныя, не всегда приводятся буквально; по мѣстамъ онѣ дополняются собственными размышленіями благочестиваго святогорца Фикары и въ цѣломъ производятъ то тихое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое, умиляющее душу впечатлѣніе, какими отличаются только свято-отеческія творенія. Это поистинѣ *плачъ* кающейся души, изливающей скорбь свою предъ безконечнымъ милосердіемъ Господа.

Въ «Вертоградѣ Душевномъ» онѣ расположены по днямъ недѣли: *плачъ въ понедѣльникъ въ вечеръ, плачъ во вторникъ въ вечеръ* и т. д., причемъ на субботу положено два размышленія. Ясно, что онѣ назначались авторомъ для того, чтобы приготовить и расположить душу къ тому покаянному углубленію въ самаго себя, которымъ обычно заканчивали св. подвижники каждый

день и которое служило для нихъ повѣркою ихъ совѣсти за минувшій день. Мы оставили тоже подраздѣленіе, въ той мысли, что благочестивый читатель, быть можетъ, и самъ пожелаетъ подражать святому примѣру инока Фикары и будетъ прочитывать сіи молитвенныя размышленія, по одному на каждый день, отходя ко сну и предавая себя въ руки милосердія Божія.

М. Н.

ПЛАЧЪ КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

Размышленіе первое.

(Понедѣльникъ).

Пріими молитву отъ скверныхъ и нечестивыхъ устъ, о Владыко всѣхъ, Человѣколюбче Іисусе Христе! Не погнушайся мною, какъ недостойнымъ, какъ неразумнымъ, какъ уподобившимся скотомъ несмысленнымъ,—не лиши Твоего утѣшенія бѣдную душу мою, которая своими дѣлами аду приблизилась! Взыщи меня—овцу заблудшую: нѣтъ во мнѣ ни усердія, ни умѣнья, чтобъ исправить себя; я ослѣпилъ себя удовольствіями плотскими, и вотъ душа моя помрачена, мое сердце—окаменѣло отъ упоенія страстями.... Предъ Тобою, Господи, Спасе міра, исповѣдаю и все горе мое, мое лукавство, мое неразуміе скотское, и всѣ щедроты Твои, все утѣшеніе, все то, что Ты, Человѣколюбецъ, творилъ со мною по благости Твоей! Съ самаго ранняго возраста я уже оскорблялъ Тебя, нерадѣлъ о добродѣтели, прилѣжалъ всякому злу, участвовалъ во всякомъ грѣхѣ, но Ты, о Владыко мой! Ты не смотрѣлъ на грѣховность мою, по Твоимъ неизреченнымъ щедротамъ!... Сыне Божій! дерзновенно подъемлю поникшую долу

главу мою, уповая на благодать Твою, но потомъ снова опускаю, воспомянувъ грѣхи мои; Твоя благодать влечетъ меня къ жизни, а я стремительно бѣгу къ смерти, ибо моя слабость, злой обычай мой влечетъ меня туда противу желанія моего... Да, золъ навыкъ страстный; онъ вяжетъ мою мысль узами нерѣшимыми, и сіи узы оказываются всегда мнѣ пріятными: злымъ навыкомъ какъ сѣтями я окаянный опутываю самъ себя и—радуюсь, будучи связанъ; погружаюсь въ горькомъ омутѣ, и услаждаюсь этимъ; ежечасно поновляетъ врагъ узы мои, а я тѣмъ веселюся... О какъ велико коварство врага! Онъ не связываетъ меня узами, коихъ я не желаю; но всегда приноситъ для меня такія узы и сѣти, которыя я самъ съ великимъ наслажденіемъ пріемлю отъ него: знаетъ онъ, что мое грѣховное произволеніе сильнѣе меня, и приноситъ мнѣ такія узы, какія я самъ пожелаю. Вотъ о чемъ бы мнѣ плакать и рыдать! Вотъ въ чемъ мой стыдъ и поношеніе! Я скованъ моими же похотѣніями, я могъ бы разбить сіи оковы въ одно мгновеніе и освободиться отъ всѣхъ сѣтей, но самъ того не хочу; меня одолѣла слабость моя, меня поработили себѣ навыки страстные... И вотъ еще что особенно гибельно для меня, вотъ о чемъ мнѣ должно плакать, стыдомъ покрываясь: я дѣйствую за одно со врагомъ моимъ: онъ вяжетъ меня, а я умерщвляю себя страстями, которыя доставляютъ ему радость; я могъ бы разбить его оковы, но не хочу; могъ бы избѣжать его сѣтей, но не желаю; есть ли что нибудь горестнѣе сего, достойнѣе слезъ и рыданій?! Можетъ ли быть что нибудь болѣе постыдное? Нѣтъ! я увѣренъ, что не можетъ быть большаго позора, какъ исполнять желанія врага своего.

Такъ, въ окаянствѣ моемъ, я не хочу познать узъ моихъ, я тщательно прикрываю ихъ каждую минуту отъ постороннихъ глазъ внѣшнимъ образомъ благоговѣнія; но совѣсть моя,

не смотря на то, обличаетъ меня, обличаетъ всегда: почто, (говоритъ она), не трезвишься, окаянный? Или не вѣдаешь, что уже при дверехъ страшный день судный? Востани и укрѣпись, расторгни свои узы: для тебя еще есть сила, могущая тебя вязать и разрѣшать! Такъ всегда обличаетъ меня святая совѣсть; но я самъ не хочу разстаться съ моими сѣтями и оковами; я каждый день плачу и рыдаю о томъ: но остаюсь связаннымъ тѣми же самыми страстями... О окаянный и страстный! Я ни мало не забочусь о благомъ преуспѣяніи въ моей жизни, ни мало не страшусь, опутанный сѣтями смерти. Моя наружность принимаетъ видъ благоговѣнія въ присутствіи другихъ: но душа остается скованною непристойными помыслами; по внѣшности я тщательно стараюсь казаться благоговѣйнымъ: а по душѣ—я мерзокъ въ очахъ Божіихъ; лицемѣрно подслащаю рѣчь мою, когда говорю съ людьми: а самъ исполненъ горести и лукаваго произволенія... Что мнѣ дѣлать въ день суда Божія, когда Богъ откроетъ вся тайная на судищи страшномъ? Великій страхъ оковываетъ часто мое грѣшное сердце: я чувствую, что затянутъ узами неисчетныхъ беззаконій моихъ; я знаю, что *тамъ* ожидаетъ меня мука вѣчная, если *здѣсь* не умолю со слезами моего Судію... Вотъ почему припадаю къ стопамъ Твоимъ Владыко! не удержи щедротъ Твоихъ во гнѣвѣ Своемъ, Господи! Ты Самъ ожидаешь моего обращенія, Ты не желаешь видѣть никого во огни неугасающемъ, ибо Ты всѣмъ человѣкамъ хощешь спастися въ жизнь вѣчную; дерзая на человѣколюбіе Твое умоляю Тебя, Іисусе Христе, Сыне Божій! призри на меня и помилуй меня! Изведи изъ темницы беззаконій душу мою, да возсіяетъ свѣтлый лучъ Твой въ моемъ помышленіи,—прежде, чѣмъ отойду на будущій судъ страшный, когда уже невозможно будетъ покаяніе во грѣхахъ... Страхъ объемлетъ меня окаяннаго, и многонемощнаго, или лучше сказать—нечестивца: какъ я пойду

туда не готовый и совершенно обнаженный отъ всякой добродѣтели! Страхъ и трепетъ связуетъ меня, когда вижу, сколь я лѣнивъ къ доброму, какъ обуреваюсь, грѣшными помыслами, когда вижу, что повинуюсь бѣсамъ, которые обольщаютъ меня сластьми на погибель... Я уподобился купцу лѣнивому и нерадивому, который съ каждымъ днемъ теряетъ свой капиталъ и проценты: такъ и я, страстный, самъ себя лишаю небесныхъ благъ, среди многихъ искушеній, влекущихъ меня на зло... Я самъ чувствую, какъ враги окрадываютъ меня ежечасно, и вопреки желанію моему увлекаюсь въ постыдные помыслы, которые ненавижу... Ужасаюся при мысли о моемъ зломъ произволеніи, при мысли о томъ, въ чемъ оно погрѣшаетъ безразсудно, страшусь, когда помышляю о моемъ ежедневномъ раскаяніи, которое не имѣетъ подъ собою твердаго основанія—въ воздержаніи, ибо не допускаетъ до сего врагъ души моей: каждый день полагаю я основаніе, и снова своими же руками разрушаю труды свои *): нѣтъ! еще не положило добраго начала мое доброе покаяніе, еще не видно конца моему злому нерадѣнію! Я все еще работаю желаніямъ врага моего, усердно исполняя все, что онъ ни захочетъ... О, кто дастъ главѣ моей воду неизсякаемую и очамъ моимъ источникъ слезъ? Пусть бы ручьемъ текли сіи слезы и я всегда плакалъ бы предъ всещедрымъ Богомъ, дабы послалъ Онъ благодать Свою исторгнуть грѣшника изъ пучины морской, увлекающей ежечасно блудную душу мою бурными волнами грѣховными! Усилились злыя хотѣнія мои, они стали язвами неисцѣльными... Блудница оная стала вдругъ цѣломудренною, объятая страхомъ суда Божія; она возненавидѣла скверный грѣхъ, воспоминая будущее осужденіе

*) Увы! мы не можемъ о себѣ сказать и сего, что полагаемъ начало ежедневно, какъ говоритъ блаженный Ѳикара,—мы о томъ и не думали еще.. *Примѣч. переводч.*

вѣчное и нестерпимыя муки. А я, несчастный, молясь ежедневно противу страстей грѣховныхъ, не отвращаюсь отъ нихъ, но все еще остаюсь въ моемъ зломъ обычаѣ, и надѣюсь покаяться въ послѣдствіи... И суетнымъ обѣщаніемъ такого покаянія всегда самъ себя обманываю: всегда говорю, что каюсь; но на дѣлѣ никогда не каюсь; на словахъ только каюсь со тщаніемъ, а на дѣлѣ далекъ отъ покаянія; а если еще при этомъ благополучно течетъ жизнь моя, то и вовсе забываю бренность естества моего, забываю, что грѣшу сознательно, и еще болѣе погружаюсь въ бездну грѣховную... Исавъ не обрѣлъ мѣста покаянію, потому что съ наглымъ намѣреніемъ совершилъ грѣхъ, а не по увлеченію согрѣшилъ: онъ и Бога не устыдился, и родителей огорчилъ—не по заблужденію, а сознательно, и при томъ тогда, какъ родители наставляли его во всемъ добромъ. Не обрѣлъ мѣста покаянію и Іуда предатель, потому что согрѣшилъ живя съ самимъ Господомъ, и зналъ, что дѣлалъ, ибо имѣлъ и опытъ благодати Божіей... И такъ, чего ожидать мнѣ, окаянному, отъ грѣховъ моихъ, сознательно мною содѣланныхъ? И если только помыслившій злое уже уподобляется содѣлавшему грѣхъ, то какъ же я буду давать отчетъ въ безчисленномъ множествѣ грѣхопаденій моихъ? Хамъ, только помысливш͡ій о позорѣ отца, былъ отверженъ; единомысленники Корея, еще не предпріявшіе ничего худаго, были пожерты землею; также погибли огнемъ небеснымъ воины, посланные взять пророка Илію; Саулъ едва сложился въ помыслѣ къ идолослуженію, уже былъ отверженъ: Ахитофелъ, не дѣлавшій, но лишь давшій совѣтъ на зло, умеръ во грѣхѣ своемъ; не великъ былъ, по нашему сужденію человѣческому, и проступокъ сыновей Аароновыхъ, однако же они поплатились за него смертію, наконецъ и Сапфира, пренебрегшая покаяніемъ, не улучила времени для покаянія. Разсматриваю дѣла мои и внимаю моему произволенію, жду рѣ-

шенія правды Божіей, и заранѣе признаю праведнымъ мое осужденіе. Зачѣмъ я обольщаю себя напрасно своею безукоризненною внѣшностію? Вѣдь я чуждъ всякой дѣйствительной добродѣтели, и всегда творю противное предъ очами Самаго всевидящаго Бога? Справедливо осуждены фарисеи, обличаемые Самимъ Спасителемъ, Который называетъ ихъ внѣшность полною лицемѣрія и лукавства. И со мною часто случается тоже самое: я недоволенъ, когда обличаетъ меня совѣсть моя, жестокими кажутся мнѣ ея обличенія. Да! горька истина тому, кто старается укрыться отъ нея. И такъ—отложу мою благовидную внѣшность и видны будутъ черви мои, сниму личину раскрашенную, и увидятъ люди во гробѣ—трупъ разлагающійся, познаютъ цѣну нашихъ дѣяній, и видно будетъ имъ подобіе фарисейское... А если что и сокроется здѣсь отъ взоровъ людскихъ, то все искусится огнемъ на судѣ, по слову Апостола. Подай мнѣ руку помощи, Господи, подай руку на землѣ валяющемуся! Хотѣлъ бы я встать, да не могу: бремя грѣховное давитъ меня, злой навыкъ удерживаетъ меня... Вижу, что нахожуся, среди мрака, среди тьмы непроглядной: я простираю руку и—будто разбитый параличемъ, въ одно и тоже время—и благодушествую, и печалюсь; молюсь объ освобожденіи и унываю отъ поста; доброе произволеніе у меня есть, но все отъ чего-то претыкаюсь; люблю я выстаивать долгія службы церковныя но не забочусь о благоугожденіи Богу. Какъ я дерзну просить оставленія прежнихъ моихъ грѣховъ, не оставляя прежняго образа жизни моей? Какъ совлекусь я ветхаго человѣка тлѣющаго, не отложивъ прежде прельщающихъ меня похотей? Увы мнѣ! какъ я понесу обличеніе законопреступныхъ дѣлъ моихъ и помышленій? Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ: уста не достойныя вопіютъ къ Тебѣ, Владыко, сердце нечистое, душа грѣ-

хами себя осквернившая! Услыши меня ради благости Твоей, не отрини моленія моего, ибо Ты не отвергаешь молитвы истинно кающихся... Но мое покаяніе нечисто, непостоянно: я час каюсь, а потом цѣлые дни прогнѣвляю Тебя... Укрѣпи мое сердце страхом Твоим, утверди мою душу на камени покаянія, да побѣдит благость Твоя—сущую во мнѣ злобу; да побѣдит свѣт благодати Твоей—сущую во мнѣ тьму. Склонись на молитву мою, преблагій Господи, не ради правды моей—ибо нѣт во мнѣ ничего добраго—но ради Твоих же щедрот, ради Твоей же многой и неизреченной благости! Укрѣпи мои члены, грѣхом разслабленные, просвѣти мое сердце, злым похотѣніем омраченное.... Сам не допускай меня до дѣяній грѣховных, дабы не низвергнул меня совсѣм супостат. Не отврати лица Твоего от мене, да не услышу от Тебя: «аминь глаголю тебѣ—я не вѣдаю тебя»! Спаси Господи, от смерти душу скорбящую, Ты, имущій власть живота и смерти! Ты Сам сказал: просите и дастся вам. Очисти же меня, Господи, от всякаго грѣха прежде конца, даруй мнѣ Человѣколюбче, в теченіи всей остальной недолгой жизни моей, проливать от сердца слезы к очищенію душевных скверн моих, дабы, возмог я хотя не много *здѣсь* расплатиться по многочисленным рукописаніям грѣхов моих, *а там* спастись под покровом всесильной десницы Твоей, когда вострепещет всякая душа от страшной славы Твоей. Ей, Владыко, Господи Сыне Божій Единородный! услыши и пріими моленіе грѣшнаго и недостойнаго раба Своего: я грѣшен паче всякаго человѣка, спаси же меня—туне, даром, одною благодатію Твоею! Ибо Ты—Бог милостивый и человѣколюбивый, и Тебѣ возсылаем славу, и благодареніе, и поклоненіе, купно с безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣков. Аминь.

Размышленіе второе.

(Вторникъ).

Увы мнѣ! въ какомъ позорномъ состояніи я нахожусь! Въ какомъ стыдѣ низлежу! Мое внутреннее нисколько не соотвѣтствуетъ моей благовидной внѣшности; я бесѣдую о безстрастіи, а умъ мой день и ночь занятъ страстными помыслами; веду рѣчь о чистотѣ, а самъ помышляю о непотребствѣ... Увы мнѣ, увы мнѣ!... Какое истязаніе ожидаетъ меня на судѣ? Да, по истиннѣ сказать: я только прикрылъ себя внѣшнимъ видомъ благочестія, а о внутренней силѣ его и не помышляю... Съ какимъ же лицемъ дерзаю я приступать ко Господу Богу, вѣдущему всѣ тайны сердца моего, будучи повиненъ толикимъ злымъ? Предстоя на молитвѣ, я боюсь и трепещу, дабы не сошелъ съ неба огнь и не попалилъ меня, какъ нѣкогда онъ попалилъ въ пустынѣ принесшихъ огнь чуждый: *и изшедъ огнь отъ Господа, сожже ихъ* (Лев. 10, 2)... Чего же ожидать мнѣ, обремененному безмѣрною тяжестію грѣховъ моихъ?... Окаменѣло сердце мое, извратилось мое доброе намѣреніе, помрачилась совѣсть моя, я уподобился псу, возвращающемуся на свою блевотину. Нѣтъ у меня болѣе дерзновенія къ Испытующему сердца и утробы, нѣтъ у меня и одного помысла чистаго, нѣтъ у меня ни одной слезы въ часъ молитвы... Если когда и воздохну изъ глубины души,

сухо остается мое лице, покрытое стыдомъ грѣховнымъ; ударяю ли себя въ перси — они жилище страстей, рабочая храмина помысловъ злыхъ... Слава Тебѣ, Едине долготерпѣливе, слава Тебѣ, Едине блаже; слава Тебѣ, благодѣтелю душъ и тѣлесъ нашихъ: о сколь велики щедроты Твоя на насъ грѣшныхъ, Господи!... Не отвергни же меня съ тѣми, которые только устами взываютъ Тебѣ: Господи, Господи! но не творятъ воли Твоей,—не отрини меня ради молитвъ Пречистой Владычицы нашей Богородицы, ради молитвъ всѣхъ благоугодившихъ предъ Тобою!... Тебѣ извѣстны, Господи, всѣ страсти, во мнѣ сокровенныя, Ты знаешь всѣ язвы души моей: *исцѣли* же *меня* Господи и исцѣлѣю! (Iер. 15, 14). Ибо если Ты не созиждешь дома душевнаго, то всуе трудятся зиждущіи! Приди, когда я уготовляю себя на брань съ страстями моими, но едва они приближатся ко мнѣ, какъ злая хитрость врага моего змія разслабляетъ сластолюбіемъ мои силы душевныя, и хотя никто тогда не понуждаетъ меня, однако же меня увлекаютъ страсти, какъ своего плѣнника... Я хочу спасти объятаго пламенемъ, но самый запахъ огня влечетъ юность мою въ тотъ же грѣховный огонь, я спѣшу спасти утопающаго, но по неопытности самъ утопаю вмѣстѣ съ нимъ; я подаю совѣты воздержанія больному, а самъ пребываю въ слѣпотѣ; хочу быть врачемъ страстныхъ недуговъ, и, будучи самъ страстенъ, бываю плѣнникомъ страстей... Просвѣти же, Господи, очи сердца моего, дабы позналъ я множество страстей моихъ. Да распространится надо мною покровъ благодати Твоей, Владыко! да просвѣтитъ она мой помраченный умъ, да вселитъ она въ моемъ неразуміи разумѣніе Божественное, *ибо не изнеможетъ* у Тебѣ *всякъ глаголъ* (Лук. 1, 37). Ты, Господи, и море непроходимое нѣкогда содѣлалъ удобопроходнымъ для народа Твоего; Ты и изъ крѣпкой скалы источилъ имъ воду, когда они возжаждали; Ты же единъ, по благости Своей, спасъ

человѣка, впадшаго въ разбойники. Умилосердись и надо мною, Господи, ради великой благости Твоей: и я впалъ въ разбойники, и я связанъ узами злаго произволенія, нѣтъ никого, кто бы могъ исцѣлить болѣзнь мою душевную, кромѣ Тебя, Господи, вѣдающаго глубину сердца моего. Сколько разъ я окаянный полагалъ себѣ строгія правила, созидалъ стѣны между мною и грѣхомъ беззаконнымъ, противувоюющими мнѣ супостатами; и сколько разъ мой помыслъ преступалъ сіи правила и преграды распадались, ибо и самыя правила мои не имѣли твердаго основанія въ страхѣ Божіемъ, и стѣны сіи не были основоположены на искреннемъ покаяніи. Кто не восплачется о мнѣ?... Ради малаго наслажденія забылъ я объ огнѣ неугасающемъ,—и вознерадѣлъ о вѣчномъ царствіи Божіемъ, страстямъ поработилъ я окаянный высокое достоинство души моей,—*скотенъ быхъ* и не могу, (не смѣю) воззрѣти къ Милосердому Господу; былъ я нѣкогда украшенъ преизобильными дарами, а теперь возлюбилъ нищету страстей, сталъ чуждъ добродѣтелей, удалился (подобно блудному сыну) во страну злобы далекую и вотъ я—еле живъ, едва имѣю малый остатокъ жизни... Оплакивайте, преподобные и праведные меня, во грѣхахъ и страстяхъ зачатаго; оплакивайте, подвижники воздержанія, меня чревоугодника и сластолюбца; оплакивайте, Богомъ помилованные и въ благоразуміи пожившіи,—меня помилованнаго и паки Бога прогнѣвавшаго, оплакивайте, возлюбившіе доброе и возненавидѣвшіи лукавое,—меня возлюбившаго лукавое и возненавидѣвшаго доброе, оплакивайте, добродѣтельное житіе провождающіе, меня, по внѣшности добродѣтельнаго, а по дѣламъ страстнаго и нерадиваго; оплакивайте, Божіи угодники—меня человѣкоугодника; оплакивайте, стяжавшіе совершенную любовь къ Богу и ближнему,—меня на словахъ любящаго, а на дѣлѣ далеко отъ любви отстоящаго; оплакивайте, стяжавшіе терпѣніе и въ терпѣніи плодъ добродѣте-

лей являющіе, меня нетерпѣливаго и безплоднаго; оплакивайте вы, непостыдно къ Богу приступающіе, оплакивайте меня не имѣющаго дерзновенія отъ стыда и на высоту небесную воззрѣти; оплакивайте вы, стяжавшіе кротость, меня чуждаго сей добродѣтели; оплакивайте, милостивые, меня жестокосерднаго; оплакивайте, смиренномудрые, меня высокомѣрнаго и гордаго; оплакивайте вы, нестяжаніе Апостольское являющіе, меня до безумія къ земнымъ вещамъ пристрастившагося и симъ пристрастіемъ угнетаемаго; оплакивайте, вѣрные и постоянные сердцемъ своимъ ко Господу, меня двоедушнаго, непостояннаго, боязливаго и непотребнаго; оплакивайте, плачъ возлюбившіе и смѣхъ возненавидѣвшіе, меня смѣхъ возлюбившаго и плачъ возненавидѣвшаго; оплакивайте, всегда грядущій по смерти судъ во умѣ содержащіе, меня, утверждающаго, что помню сіе, но въ забвеніи всегда противное сему творящаго; оплакивайте, Наслѣдники Царствія небеснаго, меня наслѣдника геенны огненной! Святіи Божіи! Молитесь о душѣ страстьми обуреваемаго — помогите мнѣ, чѣмъ можете, ибо я знаю, что если вы помолитесь Человѣколюбцу Богу, то все будетъ прощено намъ по множеству благости Его, и какъ Самъ Богъ человѣколюбивъ, такъ и вы, умоляемые мною грѣшнымъ, не презрите молитвы грѣшника, ибо самъ я не имѣю дерзновенія по множеству грѣховъ моихъ,—ваше дѣло, Святіи Божіи, молиться за грѣшныхъ, а Божіе дѣло—миловать отчаянныхъ. Молитесь же, Святіи, Божіи, Царю за плѣнника, молитесь Пастырю за овча, молитесь самой Жизни за мертвеца, да ниспошлетъ Онъ свою благодать и утвердитъ непостоянство смиренной души моей... Къ щедротамъ благости Твоей припадаю, Владыко всѣхъ: пріими молитву грѣшнаго, услади душу, горечію грѣха томимую напой жаждущаго отъ источника жизни и наставь меня на путь Твой; введи меня во врата царствія, какъ Владыка —

своего раба, да буду свободенъ отъ рабства страстямъ постыднымъ, ибо сердце мое опутано ими, какъ веригами желѣзными... Молитвами Святыхъ Твоихъ да предварятъ меня щедроты Твои, пока не увлеченъ я во адъ вмѣстѣ съ дѣлающими беззаконіе: тогда то откроется все и тайно и явно содѣланное мною!... Увы мнѣ! какой стыдъ объиметъ меня, когда увидятъ меня осужденнымъ тѣ, которые теперь считаютъ меня праведнымъ;—оставилъ я окаянный дѣланіе духовное и весь поработился страстямъ! Горе тебѣ, душа моя! Зачѣмъ у тебя умное солнце затмѣвается мглою страстей? Почто жизнь побѣждается смертію? Отчего сія мгла не изчезаетъ при появленіи лучей свѣта? Зачѣмъ мы тлѣніе предпочитаемъ нетлѣнію? Чего ради, душа моя, мы смѣшиваемъ себя съ землею чрезъ служеніе страстямъ? Осквернили мы одежду боготканную, содѣлали ее негодною для царской вечери брачной, добровольно мы предали себя грѣхамъ, поработили себя врагу нашей жизни... Что скажешь ты Судіи въ день оный страшный и ужасный? (Можешь ли сказать): «я алкалъ ради Тебя, и жаждою томился, или возлюбилъ Тебя всею душею моею?» Учитель нашъ (и Господь) постоянно взываетъ не обинуяся: кто облеченъ властію, пріими узду (послушанія Евангелію), кто находится подъ игомъ рабства, пріими равноправіе (предъ закономъ Моимъ), кто пребываетъ въ нищетѣ — получи богатство некрадомое. Почто возлюбилъ ты несвободу, а утѣсненіе? Что выжидаешь времени, а не добраго помысла? Зачѣмъ избираешь себѣ друга лукаваго (діавола), а не желанное спасеніе? Отчего не содѣйствуешь естественнымъ порывамъ своей души къ доброму, пока есть время?... Поспѣши же, пока и умъ и тѣло не пришли въ совершенное изнеможеніе; пока не перешло къ другимъ твое доброе, пока открытъ для тебя даръ благодатный и не подлежитъ сомнѣнію, а благодать касается самой глубины твое-

го сердца, пока есть у тебя слезы—проповѣдники смерти,—поспѣши мужественно противостать страстямъ, съ Божіей помощію, во всеоружіи Божіи, противоборствуй Голіаѳу, дабы не предупредилъ тебя какой либо разбойникъ, дабы не предвосхитилъ входа убійца, дабы не затворилъ предъ тобою двери царствія Божія кто либо изъ тѣхъ, которые силятся войти въ оное и силою восхищаютъ оное... Убоимся же и будемъ всячески остерегаться, чтобы намъ не оказаться лжецами въ обѣтахъ нашихъ; ибо, если Богъ, призываемый во свидѣтели, утверждаетъ обѣщаніе, данное человѣку, то тѣмъ болѣе опасно оказаться преступниками тѣхъ обѣтовъ, которые даны нами Самому Богу, и явиться повинными не только въ иныхъ прегрѣшеніяхъ, но и въ самой лжи, и въ особенности тогда, какъ нѣтъ для насъ втораго рожденія и возстановленія въ прежнее состояніе. Безполезно миновать торжище и потомъ искать потребное для купли; поздно мириться съ соперникомъ при концѣ пути, и чувствовать потерю тогда, когда, по исходѣ изъ сей жизни, потерянное уже невозвратимо, когда заключатся роковыя двери для каждаго изъ поживишихъ... Какъ мытарь воздыхаю, какъ блудница проливаю слезы, какъ разбойникъ вопію, какъ блудный сынъ взываю къ Тебѣ, Человѣколюбче Христе, Спасе міра, Свѣте истинный! Подкрѣпи мою душу изнемогшую и разслабленную піянствомъ страстей, исцѣли ея язвы, исправь совращеніе моего ума, омой Своею честною кровію мою душу, очерненную грѣхами! Нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія: по множеству милости Твоей обрати меня, Едине Человѣколюбче, избави меня отъ всякой поблажки сластолюбію, чтобы въ конецъ не попалила меня пещь страстная, — погаси ее росою Твоей милости! Горѣ мнѣ грѣшнику! Ты даровалъ мнѣ просвѣщеніе разума, а я отметаю его,—горе мнѣ! Постоянно я изнемогалъ и изнемогаю, и всегда посѣщаетъ бла-

годать Твоя и исцѣляетъ меня, а я вмѣсто благодарности каждый часъ отвергалъ и отвергаю дарованіе исцѣленій ея! И сколь многими дарами надѣлялъ Ты меня грѣшнаго, Владыко Господи, да и всегда, и нынѣ ниспосылаешь ихъ, а я окаянный все еще остаюсь сознательно неблагодарнымъ Тебѣ!... Я постоянно вкушаю сладость благодати Твоей, всегда просвѣщаюсь ею, часто она поддерживаетъ меня, и въ тоже время я постоянно отвращаюсь отъ нея, и снова обращаюсь къ прежней горечи моей грѣховной. Ты, Всеблагій, напоминаешь мнѣ смерть мою, вѣчное томленіе; Ты влечешь меня всегда къ жизни, дабы мнѣ спастись, а я все остаюсь въ зломъ устроеніи моемъ, и потому я безотвѣтенъ буду тамъ!... Я толкусь въ двери Твоего милосердія, Господи, да отверзутся онѣ для меня; я не перестаю умолять, да получу просимое; я дерзновенно, неотступно ищу помилованія. Буди долготерпѣливъ ко мнѣ, Владыко мой; избави меня отъ обладающихъ мною грѣховъ, и получивъ здравіе души возстану я съ одра тлетворнаго грѣха. Освободи меня отъ всякаго пристрастія злаго, прежде, нежели постигнетъ меня кончина, дабы обрѣлъ я благодать предъ Тобою въ часъ смерти и разлученія души съ тѣломъ, ибо *во адѣ кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. 6. 6)? Убѣли одѣяніе мое, грѣхомъ оскверненное, прежде нежели придетъ ко мнѣ страшное повелѣніе и застанетъ меня неготовымъ и постыжденнымъ. Избави душу мою сокрушенную отъ устъ львовыхъ и спаси ее Твоею благодатію и щедротами, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ, ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Размышленіе третіе.

(Среда).

Любовь [1]) побуждаетъ меня обращаться къ Богу съ молитвою, а недостоинство мое повелѣваетъ мнѣ молчать; болѣзни понуждаютъ меня говорить, а грѣхи полагаютъ молчаніе на уста; болѣзнуетъ душа моя и очи мои ищутъ слезъ. Душа моя! ты согрѣшила, покайся, ибо вотъ—дни наши проходятъ какъ тѣнь; скоро тебѣ, душа моя, предстоитъ пройти мѣста страшныя, исполненныя ужасовъ, не отлагай же со дня на день своего обращенія ко Господу! Подумай, душа моя, размысли въ умиленіи сердца, сколько благъ получила ты отъ Бога и не сохранила ихъ! Помысли о всемъ, что ты содѣлала (грѣховнаго въ жизни своей), а Богъ все долготерпѣлъ тебѣ, дабы не была ты предана тьмѣ кромѣшной на страшномъ судищи Христовѣ! Увы мнѣ грѣшному!... Я осквернилъ и досѣлѣ оскверняю чистоту сердца моего по немощи моей; мое нерадѣніе, моя лѣность, своеволіе сердца моего покрыли меня стыдомъ, а злое похотѣніе какъ полновластный господинъ, повелѣваетъ мною, и я тотчасъ же исполняю его волю со страхомъ, какъ дитя; оно прельщаетъ меня, а я тому радуюсь... Увы

---

[1]) У Фикары *трудъ*, у Ефрема Сир. любовь.

мнѣ, Господи! Твоя благодать всегда влечетъ меня къ жизни, а я предпочитаю смерть; Ты желаешь и все направляешь къ тому, чтобы я былъ равночестный Ангеламъ, а я, своею злобою все болѣе и болѣе унижаю себя! Умножились грѣхи мои, Господи, и постоянно умножаются, и не видно конца ихъ множеству, и кто былъ бы въ состояніи оплакать меня, или умолить Бога за меня?... Ты Самъ, о Спасе мой, преклоняемый Твоею же благостію, воззри съ милосердіемъ на меня отчаяннаго! И какъ я сталъ бы умолять Тебя, Владыко мой, когда уста мои полны словъ непотребныхъ? Какъ я буду воспѣвать Тебя, когда совѣсть моя грѣхами осквернена? Какъ возлюблю Тебя, порабощенный страстями? Какъ можетъ обитать во мнѣ истина Твоя, когда я опозорилъ себя ложью? Или какъ я сталъ бы призывать Тебя въ молитвахъ моихъ: вѣдь я не сохранилъ Твоихъ заповѣдей!... Не смотря на то, что я познаълъ истину, все же я дерзокъ, раздражителенъ, всѣхъ обижаю и ссорюсь изъ за малости, я завистливъ и жестокъ къ живущимъ со мною, питаю себя злыми помыслами, бываю немилосердъ къ нищимъ, гнѣваюсь, противорѣчу, спорю, я упрямъ, лѣнивъ, люблю роскошь въ одеждѣ; и до нынѣ еще очень много во мнѣ нечистыхъ помысловъ, вспышекъ самолюбія, чревоугодія, сластолюбія, тщеславія, гордыни, зложелательства, пересудовъ, тайнояденія, преслушанія, любопренія, поношенія ближнихъ; я—ничто, а думаю о себѣ много, самъ всегда лгу, а на лжецовъ негодую; самъ оскверняю свой храмъ тѣлесный, блудными помыслами, а на блудниковъ произношу строгое осужденіе; постоянно осуждаю согрѣшающихъ, а между тѣмъ самъ исполненъ прегрѣшеній; я осуждаю вора и ругателя, будучи самъ не лучше ихъ; я выступаю съ достоинствомъ чистоты и невинности, а самъ—весь въ нечистотѣ грѣховной, въ церкви и трапезѣ хочу занимать первое мѣсто, тогда какъ самъ достоинъ оплеванія.

Когда я вижу монахинь, я превозношусь предъ ними; когда вижу иноковъ—величаюсь; я стараюсь казаться пріятнымъ для женщинъ, и благочестивымъ для богатыхъ, возношусь, предъ своими, выказываю себя разсудительнымъ и благоразумнымъ, а предъ людьми благоразумными совершеннымъ мудрецомъ; съ благочестивыми обхожусь какъ опытный въ познаніи, а неразумныхъ презираю, какъ безсловесныхъ скотовъ; похулятъ ли меня я пылаю мщеніемъ; окажутъ ли мнѣ почесть и уваженіе—я презираю своихъ подчиненныхъ; когда требуютъ отъ меня справедливаго, я завожу тяжбу; кто говоритъ мнѣ правду, того я почитаю за врага; а если меня обличаютъ, я гнѣваюсь; когда обходятся со мною не ласково, я обижаюсь; достойнаго предпочесть не хочу, а самъ будучи недостоинъ, ищу почести; самъ трудиться не хочу, а если кто не хочетъ услужить мнѣ, на того я гнѣваюсь; я не хочу идти съ трудящимися (на дѣло общее), а если кто не поможетъ мнѣ самому, того злословлю и называю гордецомъ; если братъ находится въ нуждѣ, то я не хочу и знать его, а если онъ въ добромъ здравіи, то понуждаю его (послужить мнѣ); я ненавижу немощнаго, а когда самъ бываю немощенъ, требую себѣ любви отъ другихъ; высшими я пренебрегаю, а низшихъ презираю... Если мнѣ придется удержать себя отъ неразумнаго пожеланія, то я тщеславлюсь симъ; если преуспѣваю въ подвигѣ всенощнаго бдѣнія, впадаю въ сѣти непокорности и прекословія; если воздержусь отъ пищи, утопаю въ кичливости и высокомѣріи; если сдержу себя на молитвѣ, побѣждаюсь гнѣвомъ и раздражительностію... и въ какой бы добродѣтели я ни стяжалъ преуспѣяніе, всегда превозношусь предъ моими братіями. Презрѣлъ я всѣ мірскія удовольствія, а суетнаго пожеланія ихъ не оставляю;... по наружности я смиренномудръ, а въ душѣ высокомѣренъ, считаюсь человѣкомъ нестяжательнымъ, а на дѣлѣ умъ мой не-

дугуетъ любостяжаніемъ; и къ чему распространяться? Повидимому я отрекся міра, а на дѣлѣ имѣю мудрованіе мірское. Не говорю уже о безсмысленномъ выполненіи церковныхъ пѣснопѣній, о самовольномъ промедленіи, о пустословіи въ собраніи братій, о блужданіи помысловъ, о суетныхъ воспоминаніяхъ, лицемѣрныхъ бесѣдахъ, алчности къ подаркамъ, объ участіи въ чужихъ грѣхахъ и погибельномъ соперничествѣ. Вотъ—моя жизнь, вотъ зло, которымъ я погубляю свое спасеніе, а гордость моя и тщеславіе не попускаютъ мнѣ видѣть язвы мои, дабы уврачевать себя. Вотъ—мои доблестные подвиги! вотъ какимъ множествомъ грѣховъ врагъ ополчается на меня, и обличаемый въ толикихъ беззаконіяхъ, я окаянный, домогаюсь прославиться святостію, и пребывая въ грѣхахъ, хочу, чтобы меня почитали за праведника; одно у меня на все это оправданіе, что меня діаволъ опуталъ; но и Адамъ не получилъ пользы отъ такого оправданія. Знаю я, что онъ же научилъ и Каина (убить брата), но вѣдь и Каинъ не избѣжалъ грознаго приговора. И что мнѣ дѣлать, если посѣтитъ меня Господь? нѣтъ у меня никакаго оправданія въ моемъ нерадѣніи, боюсь, не принадлежу ли я къ числу тѣхъ сосудовъ гнѣва, о которыхъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ, которые подвергнутся одной участи съ діаволомъ, и которыхъ, за ихъ нерадѣніе о спасеніи, Богъ предастъ въ страсти безчестія,—страшусь, чтобы и мнѣ не подвергнуться такой же участи. *Господи! мнѣ грѣшному положилъ еси покаяніе, мене недостойнаго спасти хотя;* оживотвори, Жизнодавче, умерщвленную грѣхами душу мою, умягчи окаменеініе сердечное, просвѣти ослѣпленіе окаяннаго моего сердца, и даруй ми источникъ умиленія, Ты источившій намъ жизнь изъ живоносныхъ ребръ Твоихъ. Кто не воздохнулъ бы, кто не сталъ бы оплакивать мое мнимое отреченіе отъ міра? Я еще не успѣлъ какъ должно отречься,

а уже побѣжденъ гордостію; не успѣлъ вкусить постническаго подвига, а уже опутанъ тщеславіемъ; не увидѣлъ еще и преддверія (подвижнической жизни), а уже мечтаю о томъ, что составляетъ внутреннее дѣланіе духовной жизни великихъ подвижниковъ! Я еще не имѣю опытнаго знанія добродѣтели, а уже берусь руководить брата, самъ еще не достигъ познанія истины, а уже другихъ предостерегаю отъ гордости... Все даровалъ тебѣ Всеблагій Богъ, душа моя! и разумъ, и смыслъ, и познаніе, и разсужденіе,—познай же, что для тебя полезно: какъ осмѣливаешься давать совѣты ближнему, когда сама ты омрачена грѣхомъ? уврачуй прежде себя, душа моя; если же не успѣла ты сего сдѣлать, то оплакивай свою слѣпоту: вѣдь нѣтъ для тебя никакого извиненія въ твоемъ нерадѣніи. Опомнись, бодрствуй, душа моя, воздохни, прослезись, облегчи воздержаніемъ и постомъ тяжкое бремя беззаконій твоихъ! Боже Всевышній, Едине имѣющій власть живота и смерти! яви на мнѣ грѣшномъ въ оный грозный часъ страшнаго Твоего пришествія многія щедроты Твои, дабы тамъ на страшномъ судищѣ Твоемъ не быть мнѣ съ укоризною и великимъ стыдомъ предъ Ангелами и Архангелами, Пророками и Апостолами, Патріархами и Мучениками, Преподобными и всѣми праведными. Лучше накажи меня, Спасе мой, здѣсь, гдѣ я предаюсь грѣховнымъ наслажденіямъ, накажи какъ милосердый и чадолюбивый отецъ, а тамъ прости мнѣ какъ Всемилостивый Богъ, ибо Ты Единъ безгрѣшенъ. Всякій грѣхъ содѣланъ мною окаяннымъ, всѣхъ превзошелъ я распутствомъ, и повиненъ мукѣ вѣчной; а если бы и пожелалъ покаяться, то нѣтъ у меня слезъ. Горе мнѣ! какими очами я, презрѣнный и грѣшный лѣнивецъ, буду взирать на оный Престолъ Твой, на которомъ возсядешь Ты, Господи, и обличишь все содѣянное мною! Знаю я, что Ты—мой Судья грозный, знаю, что Ты пріидешь во славѣ Боже-

ства Твоего и обличишь все сокровенное; блудно иждихъ все житіе мое, окаянный; постоянно валялся я въ тинѣ страстей—Единъ Ты Создатель мой вѣдаешь всѣ тайныя мои грѣхопаденія и темное облако грѣховъ моихъ! Никто еще небылъ такимъ жилищемъ грѣха, какъ я; никто еще такъ не прогнѣвалъ благость Твою, Владыко мой, какъ я, слѣдуя грѣховнымъ влеченіямъ. Но поелику Ты—пучина благости, изсуши мрачныя пучины беззаконій моихъ; Ты милости бездна; потопи же бездну грѣховъ моихъ и не воздай мнѣ заслуженное по дѣламъ моимъ; не осуди меня въ пламень геенскій, ибо кто претерпитъ гнѣвъ Твой на насъ грѣшныхъ, Господи? Кто устоитъ противу прещенія Твоего? огнь нашъ не угаснетъ и червь не скончается... Убойся, душе моя, грядущаго прещенія; отряси тяжкій сонъ нерадѣнія и дремоту лютой безпечности! Конецъ близокъ, судъ при дверехъ: что-то встрѣтитъ насъ по разлученіи съ жизнію, о душе моя! Придите на помощь мнѣ преподобніи и праведніи, всѣ добрымъ подвигомъ подвизавшіеся, и оплакивайте меня какъ мертвеца, или же пожалѣйте обо мнѣ, хотя и живомъ, но почти уже умершемъ, ибо я исполненъ стыда и не имѣю дерзновенія предъ Богомъ по множеству грѣховъ моихъ, въ полномъ сознаніи мною содѣланныхъ. Излейте на меня милосердіе свое какъ на плѣнника, какъ на покрытаго ранами и гноемъ смердящимъ; смилуйтесь надо мною, какъ Милостиваго Бога и Спаса нашего таинники, и умолите Его, дабы Самъ Онъ обратилъ меня на путь покаянія туне, (безъ всякихъ заслугъ моихъ), дабы не явился я недостойнымъ помилованія въ страшный часъ пришествія Его, и да не услышу страшный оный приговоръ: «иди отъ Меня, дѣлатель беззаконія, сказываю тебѣ — Я не вѣдаю тебя!... О Свѣте истинный, Благословенный Сыне Благословеннаго Отца, Образъ Ѵпостаси Его, сѣдяй одесную величествія Его, Сыне Божій непости-

жимый, Христе Боже неиспытуемый, похвала и радость всѣхъ ищущихъ Тебя, утѣшеніе и веселіе любящихъ Тебя, жизнь моя, Свѣте мой, Христе мой! Умоляю Тебя, не презри меня презрѣннаго, не отрини меня мерзостнаго, не остави меня осужденнаго, ибо много величается врагъ мой, когда я прихожу въ отчаяніе среди окружающей меня отовсюду грѣховной мглы; онъ тому только и радуется, когда видитъ меня въ плѣну отчаянія... Посрами же его надежды явивъ на мнѣ Твое милосердіе, исторгни меня изъ его челюстей, и покрой меня отъ умышленій его лукавыхъ и отъ всякаго злаго дѣйствія его, какое бы онъ ни воздвигалъ противу меня. Просвѣти меня, да познаю козни самаго сопостата моего—добра ненавистника, ибо онъ безъ числа распростираетъ сѣти впереди меня; всякіе соблазны, препятствія, любостяжаніе, высокое положеніе въ свѣтѣ, удовольствія плоти, продолжительность настоящей жизни, въ подвигѣ поста—робость, въ молитвѣ—лѣность, при псалмопѣніи—сонъ и тѣлесный покой,—и на сколько онъ прилагаетъ тщанія къ моей погибели, на столько я окаянный предаюсь лѣности и нерадѣнію, и чѣмъ болѣе онъ разставляетъ мнѣ сѣтей, тѣмъ болѣе я дѣлаюсь безпечнымъ... Слушай, душа моя, позаботься о совѣсти, отнюдь не смотри на чужія погрѣшности, но лучше всегда оплакивай свои преступленія, не обращай вниманія на сучецъ, сущій въ очеси брата твоего и ближняго, но почаще взирай на свое бревно... Позаботься, поспѣши, примирись со Христомъ, Который за тебя плотію распялся, ибо если бы мы себя разсуждали, то не были бы осуждены тамъ, гдѣ, произносится судъ строгій на вѣки!... Пощади меня, Господи, ради милосердія Твоего, спаси меня ради единой благости Твоей, молитвами Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ, ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Размышленіе четвертое.

(Четвертокъ).

Вотъ, снова припадаю къ стопамъ Владыки моего, снова прошу, умоляю, поклоняюсь и взываю со страхомъ, ибо (знаю, что) лучше для провинившагося раба не укрываться отъ своего господина, и оставаться близь него. Услыши, о Владыко, плачъ мой, пріими молитвы, мною грѣшнымъ приносимыя; излей на меня окаяннаго (хотя) малую каплю Твоего милосердія и просвѣти душу мою благодатію Твоею, дабы имѣть мнѣ хотя малый успѣхъ въ исправленіи самаго себя; ибо если Твоя благодать не просвѣтитъ души моей, то я не въ состояніи буду познать пристрастіе и нерадѣніе, гнѣздящееся въ сердцѣ моемъ. Горе мнѣ! Возобладавшій мною грѣхъ предалъ меня, нашелъ во мнѣ обильную пажить для себя и каждый часъ убиваетъ, попираетъ и погружаетъ меня (въ глубину золъ); я окаянный не перестаю прогнѣвлять Бога, не страшусь огня онаго неугасающаго, не трепещу мукъ нескончаемыхъ, ибо грѣхъ, обратившись въ (злой) навыкъ, увлекаетъ меня въ совершенную погибель. Я обличаю самаго себя, я не перестаю давать обѣщанія (исправиться), и все таки остаюсь во грѣхахъ; я смотрю — и не вижу; я каюсь и (въ самомъ покаяніи) погрѣшаю, ибо

не углубляюсь въ различеніе дѣлъ: я—рабъ грѣха, и дѣлаю злое хотя и не желаю сего; я—воинъ, поставленный подъ власть грѣха, я подчиняюсь ему, и хотя могъ бы убѣжать (отъ сего господина), но служу ему по (злому) обычаю, который царствуетъ во мнѣ. Радѣя о страстяхъ, я несу оброки плоти; я знаю, что растлѣніе во мнѣ усиливается, а едва оно подаетъ мнѣ знакъ, я подчиняюсь ему какъ рабъ, хочу будто бѣжать, но какъ песъ на желѣзной цѣпи опять возвращаюсь къ своему повелителю. Я ненавижу грѣхъ, отвращаюсь отъ беззаконія, но все же остаюсь въ рабствѣ у страстей; я побѣждаюсь, окаянный, сластію противъ воли; я служу естеству по необходимости, а оно, подкупленное злымъ произволеніемъ, источаетъ на меня грѣхъ. Кипятъ во мнѣ страсти вопреки уму,—они срастворились съ плотію и не терпятъ разлученія.—Я усиливаюсь перемѣнить свое злое произволеніе, но предшествовавшій навыкъ никакъ не даетъ мнѣ успѣть въ этомъ. Понуждаю себя, бѣдный, освободить душу отъ долговъ; но злой заимодавецъ тутъ же вводитъ меня еще въ большіе долги. Онъ и не напоминаетъ объ уплатѣ; онъ щедро даетъ еще и еще, и даже вовсе не желаетъ брать обратною, желая только рабства моего,—даетъ и не взыскиваетъ долга, дабы обогащался я страстями. Я хочу отдать ему старый долгъ, а онъ прибавляетъ новый. Если же дѣлаю хотя малое себѣ понужденіе вопреки влеченія страстей, онъ, чтобы низложить меня, прилагаетъ новыя страсти, и видя, что постоянное пребываніе въ долгу заставляетъ меня какъ бы по неволѣ быть грѣшнымъ, вводитъ въ мое сердце новыя пожеланія, а дабы я не исповѣдывался, тщится, чтобы я забылъ свои страсти. Я дѣлаюсь участникомъ въ чужихъ грѣхахъ, и занятый ими, забываю свои; дружусь съ новыми страстями и снова оказываюсь въ долгу; я спѣшу къ нимъ какъ къ друзьямъ, а они, давая мнѣ въ долгъ, опять обхо-

дятся со мною какъ властелины, и я, который не задолго предъ тѣмъ старался отвязаться отъ нихъ, дѣлаюсь ихъ закрѣпощеннымъ рабомъ; я спѣшу разорвать ихъ узы, и запутываюсь въ новыхъ тенетахъ, спѣшу освободиться отъ этой воинской повинности страстямъ, но, получивъ отъ нихъ столько даровъ, оказываюсь невольно ихъ покорнымъ слугою... О, какъ далеко простирается надо мною власть грѣховныхъ страстей! О, какъ велико господство злоковарнаго и льстиваго змія! Какъ обычно, онъ и торгуется, и задатокъ даетъ, только бы продать умъ самому грѣху. Онъ убѣждаетъ меня угождать плоти, подъ тѣмъ предлогомъ, что она нужна для служенія душѣ, и вотъ—я уже побѣжденъ сластолюбіемъ къ невоздержанію, а оно склоняетъ меня къ неумѣренному сну, и я лишаюсь вовсе услуги тѣла для души. Когда я молюсь, онъ внушаетъ мнѣ мысль о какомъ-нибудь ничтожномъ удовольствіи, и ею, какъ бы мѣдною цѣпью держитъ мой слабый умъ, а когда онъ порывается бѣжать отъ нея, врагъ не ослабляетъ привязи. Такъ грѣхъ сторожитъ мой умъ, и запираетъ отъ меня двери познанія. Зорко наблюдаетъ онъ за умомъ, что бы онъ не пришелъ какъ нибудь въ согласіе съ волею Божіей, и не возбранилъ продать плоть; для сего онъ совѣтуетъ пропускать безъ вниманія множество перепутанныхъ помысловъ, и завѣряетъ, что на судѣ и рѣчи не будетъ о такой малости, что невозможно даже и опознаться въ сихъ помыслахъ, и что всѣ они будутъ преданы забвенію. Но я вижу мысленнымъ взоромъ моимъ своего обличителя и знаю, что мнѣ угрожаетъ вѣчное мученіе. Вотъ чѣмъ удерживаетъ меня, вотъ чѣмъ вяжетъ, продаетъ и покупаетъ меня грѣхъ; вотъ чѣмъ обольщаетъ онъ меня, льститъ мнѣ и подчиняетъ себѣ, какъ и Апостолъ сказалъ, что человѣкъ плотянъ, проданъ подъ грѣхъ. Грѣхъ обитающій въ плоти моей, властвуетъ надъ умомъ, связуетъ душу чрезъ то, что

даетъ жизнь плоти, и плотію побѣждаетъ душу. И если бы я захотѣлъ ослабить плоть, грѣхъ сею самою плотію побѣждаетъ меня; онъ связываетъ душу мою какъ овцу на закланіе, какъ птицу поднебесную, какъ сильнаго богатыря; онъ плотію же обсѣкаетъ у ней руки и ноги, и я уже не могу ни бѣжать, ни помочь себѣ. Увы мнѣ! я уже мертвецъ, хотя и живу еще; я—слѣпецъ, хотя и смотрю глазами; я содѣлался псомъ, хотя я и человѣкъ; со мною, разумнымъ твореніемъ (страсти мои) обходятся какъ съ неразумнымъ скотомъ!... Пожалѣй же себя, душа моя! Поспѣши, пока ты не осуждена еще, сдѣлай усиліе надъ собою, пока ты не разлучена съ тѣломъ, чтобы не остаться намъ за дверьми вмѣстѣ съ юродивыми дѣвами, гдѣ для смертныхъ невозможно увидѣть жизнь или помыслить объ оправданіи; гдѣ нѣтъ борьбы, за которую достается или жизнь или смерть, и гдѣ нѣтъ плоти, ради которой постыждается врагъ, побѣждаемый ея немощію. *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ*, ибо если Ты помилуешь меня, я тотчасъ освобожусь при помощи Твоей отъ этой жалкой привязанности къ страстямъ; если помилуешь меня, жажду быть послушнымъ Твоей благости. Если сотворишь по множеству благости Твоей, то избавишь меня отъ грѣха; если изліешь на меня благость Свою, то спасусь; вѣрую, что все сіе возможно Тебѣ, и не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи. Знаю, что множество щедротъ Твоихъ превосходитъ множество грѣховъ моихъ; знаю, что Ты миловалъ и милуешь всѣхъ обращающихся къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ своимъ. Исповѣдую, что и я много разъ пользовался благодатію Твоею, но послѣ того отвергалъ ее и грѣшилъ, какъ не грѣшилъ никто другой. Но Ты, воскреситель мертвыхъ, воскреси и меня, грѣхомъ умерщвленнаго! Ты исцѣлитель слѣпыхъ, просвѣти помраченныя очи сердца моего! Ты, избавившій Адама отъ

устъ зміевыхъ, извлеки меня изъ тины беззаконій моихъ,— вѣдь и я—Твоя овца, но по своимъ хотѣніямъ злымъ сдѣлался пищею львовъ... Псомъ я сталъ по грѣхамъ моимъ, но я буду сыномъ, когда благодать Твоя исцѣлитъ меня; отверженъ я какъ прокаженный, но лишь только Ты восхощешь, я очищуся... Знаю я, что сознательно грѣшилъ я; но имѣю за себя молитвенниками Святыхъ Твоихъ. Знаю, что превосхожу всякую мѣру грѣхами своими, но вѣдь и благость Твоя непреодолима. Ты давшій преимущество мытарю, окажи сію милость и мнѣ, хотя я, сознаюсь,—дѣлалъ еще больше худаго. Ты, Господи помиловалъ Закхея, какъ достойнаго, а меня помилуй хотя и недостойнаго. Волкомъ былъ Павелъ, нѣкогда гонитель овецъ стада Твоего,—звѣремъ лютымъ былъ онъ, когда терзалъ агнцевъ Твоихъ, но и онъ содѣлался добрымъ пастыремъ по благодати Твоей, и онъ сталъ усердно пасти овецъ Твоихъ... Знаю, что онъ по невѣденію грѣшилъ, и какъ невѣдавшій сподобился прощенія грѣховъ и великой благодати; но Ты, Господи, осуждая мой грѣхъ, содѣланный мною въ вѣдѣніи, помилуй меня по преизбыточествующей благодати Твоей.... Увы мнѣ, увы мнѣ! стыжусь тѣхъ, которые теперь уважаютъ меня, боюсь, чтобы не быть постыжденнымъ предъ ними (тамъ) за сокровенные грѣхи мои. Стыжусь родителей моихъ, чтобы они современемъ не осудили меня, обѣщавшаго жить не по мірскому. Хочу уподобиться оной вдовѣ, которая долго безпокоила судію и все же достигла цѣли своей; хочу уподобиться предъ Тобою, Преблагимъ Владыкой моимъ, я дерзновенный,—неотвязному другу, чтобы обратилъ Ты душу мою, плѣненную грѣхами: тотъ просилъ хлѣба для утоленія голода, а я прошу душевнаго утѣшенія; онъ просилъ плотской пищи, а я прошу возбужденія души. Святый и Всеблагій Боже! услыши гласъ мой и слезный плачъ мой,—обрати меня, дабы принесъ я плоды

покаянія. Ороси изсохшую совѣсть мою, обнови меня обветшавшаго грѣховным страстями, чтобы освободиться мнѣ отъ рабства ихъ; пріятно вздохнуть мнѣ воздухомъ свободы и въ радости и веселіи прославить благость Твою. Знаешь Ты, Владыко мой, что я дерзаю вѣщать сіе предъ Тобою отъ горестнаго изнуренія души моей; ибо знаю я, грѣшный, что Милосердъ Ты, Господи, и хощешь, чтобы я измѣнился;—Ты только ждешь плода моего произволенія; Ты готовъ помиловать меня, но ожидаешь моего добраго расположенія, ибо, милуя, хочешь Ты научить меня добру, и прощая, желаешь содѣлать меня причастникомъ царствія Твоего.—Горе безчувствію моему, горе моему окаянству! О, грубая оземленившаяся душа! о развращенное сердце! О, уста исполненныя горечи, и гортань—гробъ отверстый! Почто не помнишь ты, душа моя, неизбѣжный путь разлученія твоего? Почему не готовишься въ этотъ путь—дорогу? Зачѣмъ безъ жалости къ себѣ готовишь свою погибель? Изъ за чего навлекаешь на себя осужденіе вѣчныхъ мученій? Что ты дѣлаешь, душа моя, живя какъ несмысленное животное?... Увы мнѣ! Какъ это я вмѣсто свѣта избираю тьму? Какъ это вмѣсто жизни предпочитаю смерть? Какъ удовольствіе, которое сегодня у меня есть, а завтра его не будетъ, я ставлю выше вѣчныхъ и неизреченныхъ благъ?... Увы мнѣ! Какъ это я, вмѣсто солнцезрачной оной ризы соглашаюсь надѣть на себя одежду мрачную и темную? Какъ мрачное адское жилище я предпочитаю царству небесному? Увы мнѣ грѣшному! Я добровольно, сознательно уязвляю и гублю самъ себя!... Приди же наконецъ въ себя, о душа моя! Убойся Бога, угождай Ему во всѣхъ добродѣтеляхъ, дабы не воспріять отъ Него сугубо за свои согрѣшенія! Возлюби своего Господа, идти по пути Его заповѣдей съ мужествомъ! Пойми, душа моя, что сей вѣкъ подобенъ поприщу, и змій крѣпкій усиливается надъ всѣми одержать побѣду.

И одними онъ низлагается и попирается, другихъ самъ низлагаетъ и предаетъ поруганію; одни бываютъ побѣждаемы прелестію его, другіе—вступая съ нимъ въ борьбу, получаютъ вѣнецъ; одни чрезъ горечь его получаютъ наслажденіе вѣчнаго блаженства, другіе чрезъ сладость его обрѣтаютъ горечь вѣчнаго мученія. Одни, крайнимъ нестяжаніемъ (и безпристрастіемъ къ тлѣннымъ вещамъ) легко побѣждаютъ его, а другихъ, за ихъ прилѣпленіе къ земному, легко побѣждаетъ онъ. Для любящихъ Бога всею душею его нападеніе ничего незначитъ; а для любящихъ міръ оно трудно и нестерпимо. Пойми же, душа моя окаянная, что радости вѣка сего, его наслажденія и утѣхи полны печалей и горестей, а скорби, лишенія и злостраданія готовятъ неизреченную радость и вѣчную жизнь. Обратись же, душа моя, воспріими подвигъ въ безмолвіи разъ на всегда, чтобы, когда настанетъ часъ смерти и разлученія, ты не оказалась не готовою. Подумай, душа моя, вѣдь тебя призываетъ Самъ Богъ, а ты живешь такъ нерадиво; изъ-зачего же и доколѣ ты будешь скорбѣть и воздыхать, о душа моя! Вѣдь ты свободна!...

Размышленіе пятое.

(Пятокъ).

Душа скорбная приходитъ къ Тебѣ, Святый Владыко; она со слезами жалуется Тебѣ на врага-губителя, и со смиреніемъ припадаетъ къ стопамъ Твоимъ, умоляя Тебя защитить ее отъ супостата, который не даетъ ей покоя. Она дерзновенно притекаетъ къ Тебѣ: услыши ее скоро, и прибѣгающую къ Тебѣ съ любовію посѣти милосердіемъ Если Ты отринешь ее въ скорби, то она погибла; если замедлишь услышать ея тугу сердечную, она въ ничто обратилась. Но если, по щедротамъ Твоимъ, посѣтишь ее, она живетъ; если призришь на нее (благосердымъ окомъ Твоимъ) она спасается; если услышишь вопль ея, она получаетъ силу... Не презри ее, чтобы не возмнилъ врагъ, что Ты далъ ей письмо разводное, и отослалъ отъ Себя прочь; забудь мои досажденія, которыми я оскорблялъ благодать Твою, о Всемилостивый Владыко мой! Не сотвори со мною по дѣломъ моимъ, но даруй мнѣ грѣшному хотя малое время для истиннаго покаянія, о Всеблагій Человѣколюбецъ! Отъ юности моей благодать Твоя терпѣла многому множеству беззаконій моихъ; да потерпитъ и нынѣ мое отступленіе, раздраженіе, наглость... Знаю, Господи, Самимъ Собою клялся Ты, что не хочешь смерти грѣш-

ника, но по щедротамъ Твоимъ желаешь паче спасти его отъ грѣховъ какіе онъ творитъ... И благость Твоя, Владыко Душелюбче, всегда преизобилуетъ милосердіемъ и щедротами: она милуетъ и спасаетъ любящихъ Тебя; она часто посѣщаетъ и мое сердце, и когда находитъ въ немъ тишину, то входитъ въ него и обитаетъ въ немъ, а если находитъ его нечистымъ, тотчасъ удаляется отъ него; но щедроты Твои снова понуждаютъ ее придти, посѣтить меня недостойнаго; а я, окаянный, все такъ же непостояненъ и измѣнчивъ, измѣнчивъ по собственному произволенію, а не по естеству. Я—всегда слабъ, всегда лѣнивъ, всегда завистливъ и лукавъ; по нерадѣнію я не обращаю вниманія на свой умъ, а врагъ пользуется симъ и всѣваетъ въ него злыя помыслы, представляетъ ему блудныя дѣла... Онъ услаждаетъ мой умъ, и оскверняетъ душу, *и я часто снова* обрѣтаю себя повиннымъ въ прежнихъ моихъ беззаконіяхъ и валяюсь, какъ въ болотѣ, въ скверныхъ помыслахъ. Приходитъ благодать Твоя къ сердцу моему, находитъ тамъ зловоніе скверныхъ помысловъ, и тотчасъ же отвращается, не находя себѣ открытаго входа и не имѣя возможности войти и вселиться во мнѣ, какъ бы желательно ей. Однакоже, она все-таки уязвляетъ сердце мое дивною сладостію, дабы я возчувствовалъ, что вотъ—она посѣтила меня и не нашла себѣ входа, дабы по крайней мѣрѣ усладившись ею, я сталъ искать ее... И я знаю, что побуждаемая Твоимъ милосердіемъ, чтобы помиловать меня, она не удаляется отъ меня на всегда!—О, сколь велика благодать и человѣколюбіе Божіе! Какъ Онъ желаетъ и возбуждаетъ всѣхъ людей, чтобы спаслись!... Пощади, Господи, непотребнаго раба Твоего; пощади, Милосердый Спасе, созданіе Твое; если Ты, Господи, не образумишь меня окаяннаго, если Ты не дашь мнѣ просвѣщенія сердечнаго, то, я, по ожесточенію моему, не смогу самъ увидѣть свою безпечность и

разслабленіе. Неустанно стужаетъ мнѣ злобный врагъ мой, постоянно онъ угнѣтаетъ меня; а потому и я денноночно вопію къ Твоей благости: избавь меня отъ сѣтей его,—онъ ежечасно возобновляетъ противу меня козни свои, ежечасно тревожитъ душу мою блудными помыслами и вожделѣніемъ наслажденій. Сила Твоя, о Христе мой! запретившая нѣкогда волнамъ морскимъ, да запретитъ и ему, да исчезнетъ онъ отъ меня, непотребнаго раба Твоего, вѣдь онъ тщится овладѣть моими помыслами, чтобы отвлечь ихъ отъ сладости и добраго поученія во святыхъ Твоихъ заповѣдяхъ. Низпосли, о Владыко мой, благодать Твою вскорѣ, да отженетъ она отъ раба Твоего змія великаго, со всѣми скверными и лукавыми его помыслами, потому что язвы отъ стрѣлъ его уже загноились на сердцѣ моемъ, а я, страстный, всячески стараюсь прикрыть ихъ отъ людей... Горе мнѣ! Всеблагій Врачь не требуетъ съ меня платы за исцѣленіе, но лѣность моя не позволяетъ мнѣ идти къ Нему... Онъ Самъ приходитъ уврачевать меня, и застаетъ меня въ то время, когда я вкушаю пищу, вредящую язвамъ моимъ... Онъ уговариваетъ меня бросить эту пищу, но сладость ея льститъ моему сердцу: я и вкушаю, и каюсь въ томъ, но такое раскаяніе мое не есть покаяніе истинное!... О Ты всѣхъ исцѣленій Податель и всякихъ щедротъ Отецъ! Ты—Единъ Богъ Благій и Милосердый, Ты Единъ даруешь всегда даянія благая просящимъ у Тебя? Я и самъ часто на себѣ видѣлъ опытъ безчисленныхъ исцѣленій и даяній благихъ, которыя Ты ниспосылаешь мнѣ со дня на день... Безпредѣльна благодать исцѣленій Твоихъ, Владыко мой! всякому приходящему она подаетъ цѣльбу, и мои язвы часто исцѣляются Твоими щедротами, но по нерадѣнію моему они снова начинаютъ гноиться... Вотъ почему я дерзновенно умоляю благость Твою, Христе Боже незлобиве, да снидетъ на меня обычно благодать Твоя,

да соберетъ она мои разсѣянные помыслы, да исцѣлитъ снова мои сокровенныя язвы... Ты, долготерпѣливый, всегда исцѣляющій благодатію и щедротами,—Ты исцѣляешь по милосердію Своему частые недуги моей души грѣшной, но я не могъ отплатить Тебѣ Владыко мой, за Твои цѣльбы, ибо сіи цѣльбы и дары благости Твоей чѣмъ могутъ быть оцѣнены? Ни земля, ни небо не могутъ быть цѣною, достойною Твоего врачевства и Твоихъ дарованій, и сіи созданія рукъ Твоихъ ничтожны предъ Тобою, но Ты подаешь блага Свои за слезы, Ты даруешь ихъ всѣмъ и каждому—за горькій плачъ о грѣхахъ!... О слезы! какъ велика ваша сила! Даруй, Господи, мнѣ недостойному рабу Твоему всегда имѣть слезы, даруй мнѣ просвѣщеніе и крѣпость, да просвѣтится сердце мое чистою молитвою, да будетъ оно источать непрестанно потоки слезные со умиленіемъ, чтобы малыми слезами моими загладилось пространное рукописаніе грѣховъ моихъ, дабы малымъ плачемъ моимъ былъ угашенъ великій огонь, мнѣ уготованный... Я знаю, что если здѣсь буду плакать, то тамъ избавлюсь огня вѣчнаго и неугасимаго... Вотъ, отовсюду собираю я помыслы мои, но никакъ еще не освободился отъ дѣйствія на меня духовъ злыхъ, которые будутъ задерживать меня на воздушномъ пути за сіи помыслы; еще не позналъ я всей тяжести множества грѣховъ моихъ, все еще не освободился я отъ осужденія геенны огненной; то что влечетъ меня въ сію геенну, еще приноситъ плоды во мнѣ, и дѣла ея живутъ въ моемъ сердцѣ, погружая меня въ оную,—они приносятъ плоды въ плоти моей! Долго ли мнѣ окаянному упиваться безъ вина и жить въ таковомъ нерадѣніи? Горе мнѣ! Тайный голосъ звучитъ во ушахъ моихъ: «тебѣ предстоитъ мука»! Знаю я, Господи, что тяжки предъ Тобою грѣхи мои, сознаю и то, что помилованный Тобою я прогнѣвляю Тебя, и ежечасно раздражаю долготерпѣніе Твое; предъ глазами у меня—зло мое;

не забвенно и то, что Ты все долготерпишь мнѣ по великой благости Твоей. Даруй же мнѣ, Господи, врачевство обращенія, дабы исцѣлиться мнѣ отъ сокровенныхъ язвъ моихъ. Сподоби меня вступить во святой подвигъ воздержанія, даруй мнѣ въ сердечномъ сокрушеніи проводить всѣ дни жизни моей. Просвѣти омраченныя очи ума моего, и не допусти взору души моей помрачиться отъ лести вражіей. Укрѣпи меня, чтобы хотя одну седмицу съ успѣхомъ потрудиться въ виноградникѣ Твоемъ, ибо оскудѣло время жизни моей, оно прошло въ суетѣ и срамныхъ помыслахъ,—насталъ единонадесятый часъ житія моего суетнаго! Управь же, Господи, ладію купли моей и даруй мнѣ, плохому купцу, разумѣніе, какъ вести мнѣ куплю свою, пока есть еще у меня время. Ибо вотъ—близокъ конецъ плаванію ладіи моей, настала лютая зима и пора выходить на берегъ: «иди, показывай, лѣнивецъ, все что пріобрѣлъ ты куплею за лѣто жизни твоей». И часъ смертный страшитъ меня окаяннаго, ибо вотъ, предъ очами моими часъ разлученія, и я крайне убоялся, увидѣвъ нищету свою... Вмѣсто того, чтобы радоваться, я еще болѣе устрашился, ибо не содѣлалъ дѣяній, достойныхъ полученной отъ Бога благодати!... Страшно, поистинѣ страшно, душа моя, приближеніе смерти,—страшно оно людямъ страстнымъ, грѣшнымъ, слабымъ, которые не заботятся жить непорочно въ семъ суетномъ мірѣ... Дѣлатели и совершенные подвижники радуются въ часъ разлученія, имѣя у себя предъ очами великій трудъ подвижничества своего, своихъ бдѣній, постовъ, поклоновъ, молитвъ, слезъ и вретищъ; ликуютъ души ихъ, ибо призываются онѣ изъ тѣла своего войти въ покой. Но велика печаль для грѣшника въ часъ разлученія съ жизнію сею, когда видитъ она предъ очами у себя только нерадѣніе, невоздержаніе, слабость, пристрастіе къ стяжанію многихъ вещей; и не позволяютъ ему ничего сказать въ свое оправ-

даніе, ибо безпощадно смерть дѣлаетъ свое дѣло... О какое раскаяніе объемлетъ тогда сердце человѣка, нерадившаго здѣсь о своемъ спасеніи! Какія пытки для души его! Увы мнѣ, увы мнѣ, о душа моя! Что ты не радишь о жизни своей? Что такъ легкомысленно проводишь дни свои? Внезапно придетъ къ тебѣ приказъ идти туда,—что же будешь дѣлать тамъ, предъ судищемъ страшнаго Судіи, когда ты столь нерадива пребываешь здѣсь? Какъ это врагъ обрадываетъ тебя, а ты не разумѣешь сего, о несчастная! Какъ это врагъ похищаетъ у тебя небесное богатство, а ты и не знаешь о томъ, о неразумная! Помилуй меня, Долготерпѣливый Спасе мой; даруй мнѣ, Сыне Божій, Безгрѣшный Христе, непрестанное размышленіе о будущей жизни, чтобы никогда ничего не имѣть мнѣ въ сердцѣ моемъ, кромѣ сего поученія; чтобы всегда исполняя Твои хотѣнія, при содѣйствіи мнѣ грѣшному отъ благодати Твоей, съ любовію шествовать путемъ святыхъ велѣній Твоихъ, дабы совершить добрую куплю на сребро, которое Ты Самъ вручилъ мнѣ, о Царь мой Небесный!—И какъ я предстану многонемощный, предъ страшное судище Твое? Какъ я нетерпѣливый и лишенный добрыхъ плодовъ окажусь среди совершенныхъ, принесшихъ Тебѣ здѣсь плоды праведности? По какому образу жизни признаютъ меня, когда святые узнаютъ другъ друга въ чертогахъ небесныхъ по дѣламъ своимъ? Преподобные и праведные обрящутся въ чертогахъ, а грѣшные и нечестивые въ огнѣ геенны... О душа моя неразумная! О душа моя безчувственная! Ты всегда ненавидишь собственную жизнь свою! Долго ли тобою будутъ руководить земныя попеченія? Долго ли будетъ увлекать тебя гибельный навыкъ лукавыхъ помысловъ? Или ты не понимаешь, что лукавые помыслы окружаютъ тебя подобно облаку темному, чтобы ты не имѣла времени свободнаго обратиться къ Богу? И ты полагаешь, въ своемъ нерадѣніи, что замед-

лить придти Небесный Женихъ.... Нѣтъ! Подобно молніи будетъ пришествіе Его! Бодрствуй о душа моя, въ часъ брани, съ умиленіемъ и слезами умилостивляй Бога, взывай къ Нему съ болѣзнію сердечною, и Онъ не умедлитъ послать тебѣ на помощь добраго Ангела и избавитъ тебя отъ самаго нападенія и смущенія вражія.— Очисти же, Господи, меня грѣшнаго, и прости мнѣ грѣхи мои, обрати меня, пока не пришло страшное повелѣніе и не застало меня не готовымъ и постыжденнымъ, молитвами Пречистыя нашея Богородицы и всѣхъ Святыхъ Твоихъ, ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Размышленіе шестое.

(Суббота).

Вотъ и теперь, и въ сей самый день, съ лицемъ постыжденнымъ и долу поникшимъ дерзаю вѣщать къ Тебѣ, Владыка Ангеловъ и Создатель всего міра, а между тѣмъ вѣдь я только земля и пепелъ, поношеніе человѣковъ и уничиженіе людей, я—воистинну только червь, а не человѣкъ,—весь покрытый позоромъ, полный скорби и унынія! Какъ подниму взоры ко благости Твоей, о Владыко! Съ какимъ расположеніемъ сердца? Съ какою совѣстію? Какъ осмѣлюсь я подвигнуть свой нечистый и оскверненный языкъ? Съ чего начну мою исповѣдь?—Выше мѣры оскорбилъ я, окаянный, Имя Твое; хуже блуднаго сына жилъ я блудно; я осквернилъ въ себѣ образъ Твой и содѣлалъ его непотребнымъ, я не послушалъ гласа повелѣній Твоихъ... Какихъ грѣховъ прощенія буду прежде просить окаянный: тѣхъ ли, которые совершалъ я сознательно, и которые не заслуживаютъ прощенія, или тѣхъ, которыми я преступилъ святыя заповѣди Твои, или же тѣхъ, въ которыхъ я слагался съ злыми помыслами? Вѣдаю, Господи, что по множеству душевныхъ скверенъ моихъ и по нечистотѣ моей я недостоинъ именоваться святымъ именемъ Твоимъ, не могу стать на молитву предъ Тобою, не могу

воззрѣть и видѣть высоту небесную, ибо я самъ отверзъ двери непотребнымъ похотѣніямъ, я самъ поработилъ себя необузданнымъ и безчиннымъ порывамъ страстей, осквернилъ страстями бѣдную душу свою, поглощенъ былъ благомъ горькихъ наслажденій чувственныхъ, и злымъ произволеніемъ очернилъ одѣяніе души моей. Весь умъ мой наполненъ бѣсовскими помыслами; всѣми дѣлами, словами и помышленіями своими я преогорчилъ и до нынѣ преогорчеваю Благость Твою, а врага своего, который ведетъ брань противу меня, я привлекаю къ себѣ и угождаю ему... Совѣсть моя обличаетъ—умъ мой; стыдомъ покрываю лицо свое въ моемъ собственномъ сознаніи; осуждаю самъ себя прежде ожидающаго меня суда праведнаго; есть обличитель у меня—это мое собственное невоздержаніе, ибо я постоянно погрязаю въ тинѣ чревоугодія; есть свидѣтель противу меня—это злонравное житіе мое; ибо я всегда омрачаю себя чувственными утѣхами; есть посрамляющій меня—это нагота души моей, ибо я непрестанно погружаясь въ зловоніе страстей, непрестанно оскверняю себя гнусными помыслами... съ самаго дѣтства я содѣлался сосудомъ тлетворнаго грѣха, да и теперь ежечасно слыша о судѣ и воздаяніи, не имѣю желанія, окаянный, воспротивиться плотскимъ похотѣніямъ, воюющимъ на душу мою, но постоянно согрѣшаю вполнѣ сознательно, страстный; постоянно поддаюсь самообольщенію, дѣлаюсь плѣнникомъ грѣха и покрываюсь позоромъ; а потому и бываю нищъ, лишенъ образа Твоего и пустъ благодати Твоей, Господи! Увы мнѣ, Господи! худо воспользовался я долготерпѣніемъ Твоимъ. Увы мнѣ, многіе годы оскорблялъ я Духа Твоего Святаго! Увы мнѣ, время жизни моей протекло во всякой суетѣ!... Но Ты, Господи! не обличи меня во гнѣвѣ Твоемъ, и ненавистныхъ срамныхъ дѣлъ моихъ не выставляй на всемірное позорище предъ всѣми Ангелами и человѣками, къ моему стыду и осужденію вѣч-

ному, хотя я и вполнѣ достоинъ всякаго стыда и осужденія! Какъ буду я оплакивать ослѣпленіе души своей? Какъ буду оплакивать погибельное невѣденіе себя самаго и свою жестокую безчувственность? Какъ я оплачу страстное и нераскаянное произволеніе свое? Вотъ подвижники упокоеваются, утѣшаемые Духомъ Святымъ; а я смущаюсь, размышляя о нищетѣ своей, которая происходитъ отъ моего же нерадѣнія; вотъ веселятся они, ибо Духъ Божій открываетъ имъ недовѣдомыя тайны, а я студомъ покрываюся, ибо чуждъ сталъ всякой добродѣтели; вотъ радуются они, взирая на уготованное имъ сокровище воздаянія, а я горько плачу, ибо приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ... Нагъ сталъ я окаянный, по лѣности своей, ибо совсѣмъ отсталъ отъ молитвеннаго бдѣнія. Призри на меня, Владыко, милостію съ высоты святыя Твоея! Воззри на неисправимость души моей страстной, и имиже Самъ вѣси судьбами помилуй и исправь меня. Какъ бы предстоя святому престолу славы Твоей, какъ бы касаясь Пречистыхъ ногъ Твоихъ, такъ умоляю Тебя и въ умиленіи прошу съ сокрушеннымъ сердцемъ: помилуй меня, Милостиве, помилуй созданіе Твое, обрати меня туне благодатію Твоею! Знаю, что Ты все можешь, и нѣтъ ничего невозможнаго для Тебя; не ожидай растлѣннаго моего произволенія, ибо нѣтъ у меня усердія, чтобы исправить себя! — Восплачь о мнѣ всякое естество видимое и невидимое, восплачь о мнѣ, состарѣвшемся во грѣхахъ и страстяхъ! Плачьте о мнѣ, который повидимому кажуся, быть можетъ цѣломудреннымъ, а внутренно всегда услаждаюся нечистыми помыслами! О, душа моя окаянная! Близко твое разлученіе отъ тѣла, зачѣмъ ты ищешь утѣшенія въ томъ, что нынѣ же, можетъ быть, придется оставить, и чего потомъ уже никогда не увидишь? Подумай, что и какъ ты содѣлала? Съ кѣмъ ты растратила время дѣланія и пріобрѣтенія? Кого ты возвеселила

своимъ подвигомъ, чтобы вышелъ онъ во срѣтеніе тебѣ, когда настанетъ часъ исхода твоего отъ тѣла? Кому ты угодила на жизненномъ позорищи, чтобы потомъ почить отъ трудовъ подъ кровомъ его? Ради кого ты трудилась, или понуждала себя въ часъ бдѣнія молитвеннаго, дабы встрѣтить его съ радостію? Какого друга стяжала ты чтобы онъ поддержалъ тебя? На чьемъ полѣ работала ты, и кто будетъ платить тебѣ за трудъ? Опомнись, окаянная душа моя, чтобы не встрѣтить тебѣ въ часъ кончины печаль и воздыханіе, чтобы потомъ не плакаться безъ надежды во вѣки вѣковъ! Все тогда припомнится тебѣ, и ты, во слезахъ и горькихъ рыданіяхъ, скажешь сама себѣ: «вѣдь все сіе ежечасно тревожило совѣсть мою, а я и незаботилась о своемъ спасеніи»! Виждь, о Владыко Христе, Спасителю! источники слезъ моихъ, виждь сокрушенныя воздыханія недостойной души моей,—да пріидетъ на мя велія милость Твоя, прежде чѣмъ постигнетъ меня по велѣніе Твое грозное и застанетъ меня не готовымъ и постыжденнымъ. Пошли мнѣ крѣпость паче слабой силы моей, да обращуся къ Тебѣ и поживу въ преподобіи, по святой волѣ Твоей! Освяти сердце мое, содѣлавшееся вертепомъ и жилищемъ бѣсовъ, да святится на мнѣ страшное и пресвятое Имя Твое!—Было время когда не было меня на землѣ, и благоугодно было Тебѣ, Владыко мой, по многимъ щедротамъ Твоимъ, создать меня во чревѣ матери моей, и, родившись по Твоей милости, я сподобился быть сосудомъ благодати Твоей; и даровалъ Ты мнѣ просвѣщеніе разума духовнаго; а я, гордый и грѣшный, отвергся и нынѣ отвергаюсь даровъ благодати Твоей: какого же, послѣ сего, прощенія заслуживаю я, окаянный? Нѣтъ! Я недостоинъ Господи, и прощенія просить себѣ, ибо нѣтъ у меня истиннаго покаянія; много разъ я давалъ обѣщаніе покаяться и дѣлался лжецомъ; много разъ Ты миловалъ меня, а я отвращался отъ Тебя;

много разъ Ты принималъ меня, а я развращался; много разъ Ты возставлялъ меня, а я снова падалъ самоохотно!—Посему самъ на себя произношу я приговоръ и признаю, что достоинъ я всякаго наказанія и мученія. Сколько разъ я преисполнялся утѣшеніемъ благодати Твоей, Человѣколюбче, и сіялъ радостію, и снова всегда прогнѣвлялъ Тебя! Сколько разъ была на мнѣ благодать Твоя, и Ты насыщалъ меня алчущаго и прохлаждалъ жажду мою! Сколько разъ просвѣщалъ Ты омраченный умъ мой и собиралъ мои помыслы, прелестію вражіей расточенныя! Сколько разъ восполнялъ Ты нищету мою, очищалъ меня отъ гнилости душевной, а я постоянно пренебрегаю благодатію Твоей! Весь прихожу въ трепетъ, помышляя о семъ, весь погружаюсь въ глубину недоумѣнія,—ищу—и не нахожу достаточнаго оправданія, окаянный! Сколько разъ, о Владыко мой! благодать Твоя была для меня путемъ жизни, и просвѣщеніемъ, и радостію несказанною,—сколько разъ была она въ сердцѣ раба Твоего мудростію и силою, красотою неизреченною, высотою и славою,—пищею, сладчайшею меда во устахъ раба Твоего! Какъ я перечислю всѣ дары благодати Твоей, Господи, какіе получилъ я, жалкій, но обращалъ и обращаю въ ничто своимъ нерадѣніемъ! Повиненъ я за сіе мукамъ безчисленнымъ, ибо Ты преисполнялъ меня грѣшнаго дарами безъ числа, а я окаянный, воздаю Тебѣ лишь тѣмъ, что противно Тебѣ!—Но Ты, Господи, по естеству имущій пучину долготерпѣнія и бездну милосердія, не дозволяй посѣчь меня, какъ безплодную смоковницу, не спѣши пожать меня на полѣ жизни еще не созрѣвшаго; не восхищай меня не готоваго, не бери меня не возжегшаго еще свѣтильника, не зови еще не имѣющаго у себя брачнаго одѣянія; но помилуй меня, какъ Благій и Человѣколюбивый, дай мнѣ еще и *сіе лѣто* (Лук. 13, 8.) на покаяніе, и предъ страшнымъ неподкупнымъ судищемъ Твоимъ не по-

ставь душу мою обнаженною, какъ жалкое позорище безславія; но человѣколюбно умилосердись, Господи, надо мною, нищимъ душею, обнаженнымъ, жалкимъ, немощнымъ, нерадивымъ, нечистымъ, блуднымъ, лѣнивымъ, ослѣпленнымъ, утопающимъ во грѣхахъ, постыжденнымъ и неимущимъ дерзновенія, безотвѣтнымъ предъ Тобою, осужденнымъ и достойнымъ всякой муки и томленія. Если праведный едва спасается, то гдѣ явлюсь я, нечестивый и грѣшный? Если узокъ и тѣсенъ путь, вводящій въ жизнь, то какъ я, сластолюбивый и страстный, получу спасеніе? Если и достойные многими скорбями достигаютъ наслѣдія царствія небеснаго, то гдѣ будетъ жребій для меня, живущаго безъ трудовъ и печалей, и всегда ищущаго одного лишь покоя? Увы мнѣ, душа моя страстная! Такъ скоро проходитъ наша жизнь, такъ кратка она, такъ быстро течетъ время, приближающее къ смерти! Какъ будешь отвѣчать ты, согрѣшая въ сознаніи? Какъ мы съ тобою снесемъ обличенія? Какой страхъ овладѣетъ нами, когда услышимъ оный грозный и плача исполненный приговоръ: *не вѣмъ васъ?* Умоляю всѣхъ васъ, Святіи Божіи, молитесь за меня грѣшнаго и ничтожнаго; пролейте ваши молитвы за меня къ Богу Всещедрому, да обратитъ Онъ душу мою, страстями безчестія ко аду приблизившуюся; да возсіяетъ въ ней святою благодатію Своею и просвѣтитъ мой омраченный умъ; да буду ко благому усерденъ и достоинъ покаянія силою святыхъ вашихъ молитвъ. Ты, Господи, Спасителю мой, Сыне Истиннаго Бога нашего, Ты, какъ Самъ знаешь и какъ Самъ хощешь, по единой благости Твоей, туне обрати меня отъ пребывающаго во мнѣ грѣха, спаси отъ погибели, и вложи въ душу мою красоту добродѣтели, угасивъ въ ней огонь отчаянія. Къ милосердію Твоему прибѣгаю я, изъязвленный, Владыко мой! Пріими воздыханія мои, какъ слезы блудницы, не погнушайся мною ради многихъ струповъ

моихъ грѣховныхъ: вѣдь Ты Самъ знаешь, Владыко, удобо—преклонность ко грѣху естества человѣческаго! Помяни, что Единъ Ты—чистъ и пречистъ и чуждъ всякія скверны; помилуй мя Ты, по естеству благій, милосердый и милостивый, исцѣли слѣпоту мою, исправь меня какъ Самъ Ты знаешь, ибо одолѣваютъ меня грѣховныя привычки, немощствую душею и тѣломъ и разумомъ, прошло время мое, изчезли въ суетѣ дни мои, настаетъ конецъ моего жизненнаго поприща, а я все еще лѣнивъ и не въ состояніи самъ себя исправить; но отверзи, о Владыко мой, двери милости Твоей и не затворяй ихъ отъ недостойно толкущаго! Простри мнѣ руку помощи въ пучинѣ страстей и сластей обуреваемому, дай мнѣ время покаянія, образуй во мнѣ навыкъ спасительный; ибо если Ты, Господи, чего не сдѣлаешь, то что бы самъ я ни дѣлалъ, все не будетъ имѣть силы, все легко разрушится, что бы я ни началъ, все безуспѣшно, все остается безъ конца. Ты знаешь, Господи, силу врага и немощь естества нашего, доколѣ же будешь отвращать Лице Свое отъ мене? доколѣ будетъ возноситься врагъ мой на меня? Обратися, Господи, избави душу мою отъ злодѣйства его, ибо вотъ—онъ всегда стоитъ и уязвляетъ меня, уязвляетъ и смѣется надъ безсиліемъ моимъ... Спаси меня ради милости Твоей, а не ради дѣлъ моихъ: вѣдь Ты знаешь, что эти дѣла—злы... *Помяни, Господи, милости Твоя яко отъ вѣка суть* простерты на грѣшныхъ,—*аще бо беззаконія назриши* я буду ничто; да не одолѣетъ же моя злоба и лукавство милосердіе Твое, и да не одолѣетъ мое лѣностное разслабленіе и безуміе неизреченное человѣколюбіе Твое; не причти меня къ козлищамъ шуимъ,—меня ожесточеннаго во грѣхѣ, страстнаго, недостойнаго милости; не осуди меня, Владыко, какъ раба злаго и непотребнаго, и не погуби меня съ глаголющими: *Господи, Господи*, и не творящими воли Твоей! Пріими, Вла-

дыко, и услыши нечистую и недостойную мою молитву, Ты, спасающій уповающихъ на Тебя, не отвергающій моленія грѣшныхъ, подающій руку Свою поверженному на земли! Научи меня страху Твоему, дай мнѣ слезы умиленія, дай мнѣ покаяніе, ведущее ко спасенію, ибо къ Тебѣ возвожу я мысленныя взоры души моей: велики щедроты Твои на всѣхъ призывающихъ имя Твое во истинѣ, ибо благословенъ Ты во вѣки вѣковъ. Аминь.

Размышленіе седьмое

(тотъ же день)

Благодать Твоя даетъ мнѣ дерзновеніе говорить, а любовь къ Твоему милосердію ободряетъ меня. Единый Благій и Всесвятый Создатель всякаго творенія! Прости беззаконія и грѣхи мнѣ, рабу Твоему грѣшному и неразумному. Знаю, Господи, что превосхожу грѣхами всякаго человѣка, но у меня есть и прибѣжище—это все препобѣждающая бездна щедротъ Твоихъ. Я вѣрую, что Ты пріемлешь и милуешь всѣхъ притекающихъ къ Благости Твоей; я знаю, что Ты Сердцевѣдецъ, и видишь сердце каждаго приходящаго къ Тебѣ: покончило ли оно всѣ расчеты съ міромъ, и прежде, чѣмъ онъ подойдетъ къ дверямъ, Ты уже отверзаешь ему; прежде чѣмъ припадетъ онъ къ Тебѣ, Ты простираешь ему руку, прежде чѣмъ онъ прослезится, Ты уже готовъ утѣшить его щедротами Твоими, и встрѣчаешь приходящаго къ Тебѣ отъ всего сердца, какъ купца пришедшаго со многимъ богатствомъ. Да! Ты любишь принимать покаяніе, Ты желаешь видѣть слезы кающихся, Ты радуешься прилежанію тѣхъ, кто подвизается ради стяжанія душевной чистоты! Но поелику нельзя купить ни за какую цѣну исцѣляющую силу благодати Твоей, а подаешь Ты ее даромъ, за однѣ лишь слезы, то дай же мнѣ недо-

стойному рабу Твоему эти слезы, дабы съ просвѣщеннымъ умомъ, съ любовію и вѣрою (въ сердцѣ), умолилъ я неизреченную Благость Твою, и исцѣлился отъ сокровенныхъ язвъ моихъ! Покажи на мнѣ самомъ великое милосердіе Твое, о Врачъ Благосердый! Очисти язвы мои!... Свободи меня отъ стужающихъ мнѣ невидимыхъ враговъ и супостатовъ, да будетъ вѣдомо всѣмъ и всюду, что только одна благодать Твоя избавила меня! Владыко Господи! Нашъ немощный умъ подобенъ новонасажденному дереву, которое всегда имѣетъ нужду въ орошеніи—вотъ также и мысль наша, будучи немощна, постоянно нуждается въ просвѣщеніи отъ благодати Твоей. Исцѣли меня, Господи, и я исцѣлюся; и хотя я, бренное созданіе, уклоняюсь отъ Тебя; но Ты самъ наполни мое сердце Твоею благодатію и милосердіемъ Твоимъ. Сердобольная мать, отвергаемая дѣтищемъ своимъ, не презираетъ его, Господи, потому что побѣждаема бываетъ материнскою любовію,—и сердоболіе птички изливается на птенцовъ ея: она ежечасно навѣщаетъ ихъ, носитъ имъ пищу и заботится о томъ, какъ бы возрастить ихъ, ибо къ тому побуждаетъ ее врожденная любовь материнская,—вотъ также и Твое милосердіе, Господи, побуждается отъ свойственной Тебѣ благости миловать притекающихъ къ Тебѣ отъ всего сердца. Но вѣдь для неразумной твари не будетъ суда, а я страстный, сознательно согрѣшающій, я знаю, что буду осужденъ за то, что не помышляю объ ономъ страшномъ испытаніи, которому подверженъ буду за каждое слово праздное, за каждое помышленіе неправое, за каждое вожделѣніе злое. Не жалѣю я и своихъ малыхъ трудовъ, (какіе, при помощи Твоей же подъемлю ради спасенія),—но лишь только представляется мнѣ удовольствіе, тотчасъ же и вдругъ я забываю все: и молитву, и слезы, и постъ, и бдѣніе, и колѣнопреклоненія, и время данное мнѣ на покаяніе, и какъ безумный снова работаю

грѣху... Или (думаешь ты, что) Богъ не правосуденъ, о душа моя!?... Или же Онъ хочетъ показать настоящую цѣну дѣлъ нашихъ? Отчего находитъ на меня столь часто сухость сердечная и нерадѣніе, отчего я, забывшись, дѣлаюсь разсѣянъ и неосторожевъ, тщеславенъ и гнѣвливъ, горделивъ и лѣнивъ, чревоугодливъ и сластолюбивъ, оскверняюсь нечистыми помыслами и не имѣю предъ очами своими ни страха Божія, ни будущаго суда страшнаго?... И вотъ, душею прискорбною снова и снова взываю къ Тебѣ, Владыко принуждаемый жаловаться на лютыхъ враговъ моихъ. Виждь, Владыко, униженіе мое, и будь мнѣ прибѣжищемъ,—запрети злодѣямъ, которые ежечасно обступаютъ меня съ лестію, а я того и не разумѣю; они возбуждаютъ во мнѣ превозношеніе, а я ни мало не смиряюсь; они полагаютъ мнѣ препятствія, дабы я не молился, ибо знаютъ, что если я воззову со слезами къ Твоей благости, то они не устоятъ... Увы мнѣ грѣшному! Какіе у меня супостаты въ горестномъ состояніи души моей!... Я притекаю къ Тебѣ, Владыкѣ моему милосердому, долготерпѣливому, Всеблагому, имущему власть на небеси и на земли... Ускори услышать меня, Господи! отомсти за меня—вѣдь я только на Тебя Единаго и надѣюся во дни и въ нощи... Владыко мой! Не умедли отомстить за меня врагамъ моимъ невидимымъ, отними меня у враговъ сихъ, прими подъ Свою защиту, дабы я, побѣдилъ ихъ Твоимъ же заступленіемъ и помощію, Тебя единаго благословлялъ, Тебя единаго и прославлялъ; да возсіяетъ мнѣ святая благодать Твоя въ славѣ, да просвѣтитъ она мое обезумѣвшее отъ пожеланій грѣховныхъ разумѣніе, да плѣнитъ его непостижимою и несказанною красотою славы Твоей. Пришествіе благодати Твоей, о Владыко мой, подаетъ сладость, безмолвіе, тишину, умиленіе, ея волнами услаждается сердце, просвѣщаемое Духомъ Святымъ, все земное, всѣ гибельныя страсти вдругъ

покидаютъ тогда душу мою, ибо волны благодатныя согрѣваютъ и умъ, и разумѣніе, и сердце; Ты, Всеблагій, изливаешь ее насъ, и даруешь ее каждому по мѣрѣ его подвиговъ, и обогощаешь ею; почерпай же, о душа моя грѣшная, почерпай постомъ и бдѣніемъ дары отъ сего источника, изливающаго воды небесныя, пока есть у тебя время! Волны святой благодати Твоей, Господи, и просвѣщенія Св. Духа въ душѣ подобны раю царствія небеснаго, полному древесъ плодоносныхъ и плодовъ прекрасныхъ имѣющихъ многоразличный вкусъ и доставляющихъ устамъ сладость, сердцу—веселіе, очамъ—красоту, а обонянію несказанное благоуханіе. Счастлива душа, непоколебимо твердая въ дѣлѣ воздержанія, ничѣмъ себя не оскверняющая, ибо въ ней всечасно умножаются волны благодати Твоей, — она просвѣщается, утѣшается, веселится; ничто не утѣшаетъ ее на землѣ, ею возобладала любовь Твоя, и утѣшенія небеснаго чертога влекутъ ее къ себѣ. Припадаю и я къ щедротамъ Твоимъ, Сыне Божій Единородный, да посѣщаетъ и меня грѣшнаго во всякое время благодать Твоя, да будетъ она мнѣ и просвѣщеніемъ, и покровомъ, и заступленіемъ, и прибѣжищемъ, и укрѣпленіемъ,—дабы я могъ укрыться подъ крылами ея, въ часъ страшнаго суда Твоего, дабы стать мнѣ одесную Тебя вмѣстѣ съ тѣми, которые мужественно подвизались и благоугодили Тебѣ, — и помилованный благодатію, спасенный милосердіемъ, я буду славить и благословлять безконечно всемогущую благость Твою во вѣки вѣковъ. Аминь.

Размышленіе восьмое.

(Воскресенье).

Какъ бы предъ страшнымъ престоломъ Твоимъ предстоя, Господи, вижу я, осужденный, и обличеніе дѣлъ моихъ, и Твой приговоръ праведный, отвергающій меня грѣшнаго отъ Святаго Лица Твоего и осуждающій на муки нестерпимыя. И какъ тогда я буду взывать къ Тебѣ, какъ и теперь съ трепетомъ и слезами вопію: праведенъ Ты, о Судія Праведнѣйшій! и праведенъ судъ Твой, и не потерпѣлъ я никакой неправды отъ сего суда! Добрые святѣйшіе Ангелы! проливайте обо мнѣ слезы [1]), ибо я самъ себя не помиловалъ, я самъ презрѣлъ милость Божію, и теперь во истинну праведно пріемлю муки... Я самъ оскорбилъ человѣколюбивое милосердіе Божіе, и по дѣламъ несу наказаніе... Когда Господь предлагалъ мнѣ милость, я, безразсудный, не хотѣлъ слушать Его, и вотъ совершенно справедливо Онъ отвращается отъ меня. Тогда со гнѣвомъ скажутъ мнѣ Ангелы: теперь уже не время покаянію, о несчастный! Теперь время воздаянія; утѣше-

---

[1]) У Фикары здѣсь стоитъ: *Не проливайте слезъ*... Но у Ефрема Сирина въ параллельномъ мѣстѣ: *проливайте слезы*, и сіе чтеніе по ходу рѣчи, особенно въ связи съ гнѣвнымъ отвѣтомъ Ангеловъ на эту рѣчь, нужно почитать болѣе правильнымъ.

ніе нынѣ уже не имѣетъ силы, безполезны и слезы покаянныя, только слезы отъ мученія нынѣ льются потокомъ; не слышно здѣсь умиленныхъ воздыханій обращенія, а слышны одни рыданія безконечныя... Иди же, получай горькое и тяжкое воздаяніе за дѣла свои,—гори въ пламени какъ вещество нечистое, служи пищею геенны неугасимой и червія неусыпающаго! Наслаждайся, какъ сынъ тьмы, тьмою вѣчною, которую ты самъ возлюбилъ, веселись, смотря на мрачные образы (демоновъ) за то, что ты самъ отвратился отъ Свѣта Присносущнаго! Вотъ тамъ-то будетъ плачь нескончаемый, будетъ болѣзненный скрежетъ зубовъ! Горе мнѣ, горе мнѣ, душа моя страстная, обнаженная отъ всѣхъ дѣлъ благихъ! Какъ ты воззришь на Судію неподкупнаго, когда Архангелы будутъ предстоять Ему въ благоговѣйномъ страхѣ слугъ Божіихъ, когда люди будутъ стоять въ трепетѣ предъ страшнымъ судищемъ Создателя всѣхъ, и будетъ тогда судъ безъ милости—не сотворшимъ здѣсь милости! Что тогда скажу я въ свое оправданіе, душа моя, когда буду рыдать и ни въ комъ не найду себѣ защитника! Видишь свои грѣхи, видишь долги неоплатные, — подумай же о грядущемъ судѣ! Пока еще есть время, воздыхай, плачь, чтобы получить прощеніе своихъ согрѣшеній, дабы не засталъ тебя послѣдній часъ неготоваго, въ нераскаянности, въ служеніи страстямъ! Что мнѣ сказать тогда, душа моя, когда я буду рыдать, въ отчаяніи поверженный на землѣ, когда пріидутъ за тобою Ангелы, и овладѣетъ тобою страхъ и трепетъ несказанный, и будешь ты горько воздыхать, помышляя о томъ, что ты дѣлала, а оправдаться въ дѣлахъ своихъ будешь не въ состояніи! И увидишь ты безчисленное множество Ангеловъ, и приступитъ къ тебѣ несчетное множество демоновъ; съ одной стороны человѣколюбивые Ангелы Божіи, съ другой человѣконенавистные демоны, и будешь ты часто об-

ращать взоры туда и сюда, и не будетъ никого, кто могъ бы тогда защитить тебя и избавить отъ демоновъ... Покайся же, не медли, спѣши, пока не насталъ для тебя оный грозный часъ,—сбрось съ себя бремя грѣховное! Приди въ сокрушеніе сердечное, душа моя, брось служеніе страстямъ, и постарайся проводить жизнь въ покаяніи, дабы, не похитила тебя внезапно какъ левъ рыкающій смерть безжалостная!... Единый безгрѣшный, Единый многомилостивый, источникъ благости и милосердія! Ты всѣмъ человѣкамъ желаешь спасенія; Ты не хочешь смерти согрѣшающихъ предъ Тобою; Ты всѣхъ зовешь къ покаянію,—къ Тебѣ припадаю, Владыко, я, рабъ осужденія достойный, къ Тебѣ простираю руки, во всемъ виновный, — къ Тебѣ возвожу очи и сердце мое, и умоляю благость Твою, о Владыко мой: спаси меня окаяннаго, много предъ Тобою согрѣшившаго! Я превзошелъ всѣхъ согрѣшившихъ предъ Тобою, я опередилъ всѣхъ въ служеніи своимъ страстямъ; какая же тьма ожидаетъ меня окаяннаго! Какой огонь уготованъ мнѣ блудному! Я склоняю колѣна мои, я бью челомъ въ землю, я проливаю слезы и рыдаю, я взываю къ Тебѣ: Господи, Господи, помоги мнѣ! Избавь меня отъ овладѣвшихъ мною страстей! Не презри, Владыко, моей сокрушенной молитвы! Я простираю оскверненныя грѣхомъ руки мои—не отвергни меня, обремененнаго страстями,—призри на меня человѣколюбно благоувѣтливымъ милосердіемъ Твоимъ! Я осквернилъ себя плотоугодіемъ, я опорочилъ красоту души моей, я поработилъ себя плотскимъ мудрованіямъ, я погубилъ мое прежнее самовластіе, я внималъ совѣтамъ врага моего, служилъ страстямъ какъ идоламъ, исполнялъ пожеланія плоти, помрачилъ свѣтъ ума моего, и, почтенный честію сыновства отъ Самаго Бога, уподобилъ себя скотамъ несмысленнымъ. И вотъ, овладѣваетъ мною страхъ, трепетъ и ужасъ, когда представляю себѣ посѣченіе смертное, непримѣтно приближающееся ко

всякому и все же остаюсь неисправляющимся! Изъ глубины (души) взываю къ Тебѣ, Господи,—со слезами и воздыханіями припадаю: буди милостивъ ко мнѣ, о Человѣколюбецъ! Въ Тебѣ единомъ полагаю всю надежду мою; помоги мнѣ избѣжать гнѣва грядущаго и будущаго осужденія; благоволи, да будетъ душа моя ожесточенная многоплодною въ добродѣтеляхъ,—мои помыслы безплодные истреби огнемъ Духа Святаго,—не посѣки меня какъ дерево безплодное, не придавай огню неугасимому, дабы не оказался я пищею огня, какъ плевелы, но какъ пшеницу возми меня (въ житницу Твою), о Боже мой! Не дерзая воззрѣть на небо, я преклоняю колѣна сердца, окаянный... Пріими молитву изъ устъ нечистыхъ, единый безгрѣшный Создатель мой! Ты—Царь всѣхъ всемогущій, Ты низложилъ мятежнаго Веліара, Ты избавь меня отъ всякихъ беззаконій! И Ангелы, и люди, увидѣвъ обращеніе мое, составятъ праздникъ во славу Твою. Презрѣлъ я животворящія заповѣди Твои, обольстился дѣлами срамными, — не погнушайся мною, Преблагій Владыко, но избавь меня отъ рабства лукаваго! Со страхомъ сердечнымъ умоляю Тебя: Ты создалъ меня по благости Своей, обогатилъ меня дарами многими, и возлюбилъ меня до того, что ради меня воплотился и смерть претерпѣлъ, а я не захотѣлъ помнить толикую любовь Твою, Избавитель мой,—я весь содѣлался рабомъ грѣховной сласти, осквернивъ и тѣло и душу; каждый день взываю: я согрѣшилъ! а грѣшить все же не перестаю... И стою нынѣ осужденный предъ Тобою, о Всеблагій! Даруй мнѣ прощеніе злыхъ дѣлъ моихъ, какъ Богъ Милостивый и Человѣколюбивый!...

Богородице Дѣво, Мати Божія, дверь небесная и ковчегъ Божій,—Ты наше непостыдное спасеніе,—спаси меня, Владычице, хотя я и не заслужилъ сего?

Полки Ангеловъ на небесахъ заботятся о мнѣ, дабы враги

не похитили внезапно душу мою и не погрузился бы я въ струяхъ пламени геенскаго!

Законоположники св. Апостолы будутъ тогда сидѣть на престолахъ вмѣстѣ съ Судіею Господомъ, меченосные Ангелы страшные раздѣлятъ грѣшниковъ отъ праведныхъ,—восплачется тогда всякое дыханіе, ибо не будетъ конца лютымъ мученіямъ!

Предупреди же все сіе, о душа моя,—рыдай какъ рыдала оная блудница (Евангельская)!

Избавь меня, Спасителю мой, страшнаго прещенія мукъ оныхъ ужасныхъ! Тебя непрестанно воспѣваютъ Херувимы, сѣдящаго на четверо-образныхъ Серафимахъ, Тебя прославляютъ, какъ слуги, всѣ чины небесные, какъ Троицу во Единицѣ. Ты—Свѣтъ, нерожденный Отче, Ты имѣешь Сына собезначальнаго и Духа соприсносущнаго, дарующаго всѣмъ дыханіе жизни; Ты—Щедръ и Благъ и Милосердъ; молитвами Мучениковъ, Пророковъ, Апостоловъ, Преподобныхъ и Святителей—услыши и насъ, молящихся Тебѣ; Пренебесный Господи,—слава Тебѣ!...

Царю вѣковъ, Безсмертному, Невидимому, Премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

